

ВОЙНА И ДЕТИ

МАЛОЛЕТНИЕ УЗНИКИ ФАШИЗМА

Биографии и воспоминания

«...Пусть все пережитое нами уйдет в прошлое и никогда не повторится.

Пусть грядущие поколения узнают о событиях Великой Отечественной войны, о том, что пришлось пережить народам нашей страны из рассказов очевидцев (пока они живы), из исторических материалов, из книг и кинофильмов, но знать должны.

Без знаний и анализа важнейших событий прошлого нельзя построить счастливое будущее».

Из воспоминаний Ермаковой Александры Ивановны

РОДИНА

Ада Викторовна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Родина Ада Викторовна (Хуторская) родилась на Брянщине в поселке Любохна. С началом войны оказалась на оккупированной территории. Весной 1942 года в пятилетнем возрасте вместе с семьей была насильственно вывезена в концлагерь смерти «Алитус» в Литве. Потом оказалась в пригороде г. Кайшядорис на сельскохозяйственных работах у литовских фермеров. Находилась там до лета 1944 года, когда советские войска освободили Прибалтику от немецко-фашистских захватчиков.

Из воспоминаний Ады Викторовны:

«...Детей в лагере больно и мучительно наказывали за любое неповиновение, мы многого не понимали, даже не знали, в чем провинились, за что нас наказывают. Особенно старалась «рыжая бестия», немка. Она приходила со своей помощницей, стегала с наслаждением и всегда хохотала, испытывая какую-то животную радость от своих трудов, видя, как под ударами плетки извивались малыши. Видел ли Бог эту звериную затею? Вряд ли. Не видели и взрослые. А когда возвращались вечером с работы, с ужасом и болью оплакивали вспухшие детские тельца, плечи, спины, на которых были сплошные красные рубцы...».

Окончила Калининградский сельскохозяйственный техникум.

Работала на Урале, переехала в Саратов.

В 1988 года единогласно избрана председателем Саратовского регионального совета БМУ.

Является членом Международного совета Союза БМУ, заместителем председателя Центрального совета Российского Союза БМУ.

В 1998 году Указом Президента Российской Федерации награждена Орденом Дружбы. В 2000 году удостоена областной награды – Знака Губернатора. В 2002 году приказом губернатора занесена на Областную доску Почета. За активную общественную деятельность имеет многочисленные почетные грамоты от губернатора, от мэра Саратова, от Министерства труда и социального развития.

АНДРЕЕВА (МАТРОСОВА)
Надежда Александровна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Андреева Надежда Александровна родилась 26 сентября 1930 года в деревне Вязово Вознесенского района Ленинградской области. В 1935 году семья переселилась в деревню Осиновка того же района.

Из воспоминаний Надежды Александровны:

«Мой отец, Матросов Александр Иванович, 3 марта 1938 года был арестован и, как нам сообщили, осужден на 10 лет без права переписки. В 1941 году, в начале войны, наша территория была оккупирована фашистами, пытавшимися захватить Ленинград. Население вывезли в концлагеря города Петрозаводска, занятого оккупантами. Наша семья в составе пяти человек (мама и четверо детей) находилась в концлагере №1, а после его расформирования в концлагере №2. В 1944 году Петрозаводск был освобожден, и из концлагерей население разъехалось по родным местам. Нам же ехать оказалось некуда – деревня полностью была сожжена. Старшая сестра, окончив курсы счетоводов, была направлена работать в г. Лахденпохья республики Карелия, куда мы уехали всей семьей. Нам предоставили жилье (комнату в частном доме), там я продолжила учебу.

Окончив среднюю школу в 1951 году, поступила в Выборгский Государственный учительский институт. Встретилась с моряком из Саратовской области, служившим в Карелии, поженились, а после его демобилизации приехали в Саратов, где работали на производственном объединении «Корпус».

Долго искали отца и в 1957 году нам сообщили, что он умер от сепсиса в 1943 году, прислали свидетельство о смерти без указания места смерти. В 1990 году мы снова обратились в прокуратуру с просьбой сообщить место его смерти, и нам прислали новое «свидетельство о смерти», где значится, что наш отец расстрелян 14 марта 1938 года в Ленинграде.

Мои братья и сестра – несовершеннолетние узники концлагеря: брат – Матросов Иван Александрович 1933 года рождения трагически погиб в 1999 году, брат – Матросов Валериан Александрович 1937 года рождения проживает в городе Миасс Челябинской области, сестра - Кытманова Мария Александровна 1927 года рождения умерла 16 декабря 2008 года».

АНДРЮШИН **Валентин Тихонович**

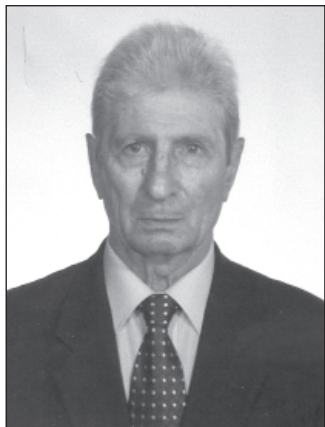
Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Андрюшин Валентин Тихонович родился 14 января 1940 года в Дятьковском районе Брянской области.

Во время Великой Отечественной войны с 1942 года по 1943 год, находился в концлагере №142 города Брянска.

По специальности техник-электрик.

АНТОШКИН **Михаил Егорович**

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Антошкин Михаил Егорович родился 8 июля 1936 года в д. Холчевка, Орловской области.

В 1943 году был вывезен в фашистский концлагерь на станции Злынка (Белоруссия). После освобождения Советскими войсками в 1943 году вернулся на Родину, где и жил до 1955 года. Закончив 10 классов, был призван в ряды Советской Армии, на Тихоокеанский флот. После окончания службы переехал на постоянное место жительства в Саратов.

В 1968 году окончил Саратовский сельскохозяйственный институт. С 1958 года и в течение 33 лет работал на заводе «Знамя труда». Ветеран труда, за добросовестный труд имеет много благодарностей и Почетных грамот.

С 1997 года председатель Городского совета бывших малолетних узников (БМУ) фашистских концлагерей, является членом Центрального Российского Совета, членом Международного Совета. Ведет большую патриотическую работу среди молодежи: студентов, школьников, учащихся воскресных школ, православной гимназии, в интернатах детских и для престарелых, в детдомах, приютах для малолетних преступников, а также среди заключенных строгого режима, как в Саратове, так и с выездом за пределы области. Является участником одиннадцати международных конференций, многочисленных слетов БМУ.

За активную общественную деятельность Антошкин М.Е. отмечен благодарностью и знаком Губернатора Саратовской области «За любовь к родной Земле», грамотами мера Саратова, Министерства социального развития, юбилейной медалью «Непокоренные» Международного Союза БМУ.

БАЛУЕВА
Раиса Ивановна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Балуева Раиса Ивановна родилась 3 января 1935 года в Брянской области, деревня Пашеники.

Находилась в партизанском отряде им. Котовского. В 1942 году была взята в плен немецким карательным отрядом. До 1944 года вместе с семьёй находилась в концлагере Шталаг, находящемся в городе Молодечно Западной Белоруссии.

Образование высшее экономическое. На пенсии с 1990 года.

БАРАНОВСКИЙ
Леонид Никитович

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Из воспоминаний Барановского Леонида Никитовича:

«Я родился в 1932 году в городе Сенно Витебской области, Белоруссия. До начала Великой Отечественной войны, я успел окончить только 2 класса. Перед приближением фронта к нашему городу, мы уехали в деревню к родственникам. За наш маленький город Сенно бои шли четыре дня, в огне сгорел и наш дом. Когда мы вернулись в город, жить было негде. Отец устроился работать в городскую баню, т.к. она осталась цела, а бывший буфет бани мы приспособили под жильё. Наша семья состояла из 5 человек - отец, мать и три брата (я - средний). В марте 1944 года, за связь с партизанами, нашу семью арестовали и увезли в г. Бешенковичи Витебской области и посадили в тюрьму при фашистской организации СД.

Тюрьма состояла из пяти деревянных одноэтажных домов, обнесенных высоким сплошным забором, а сверху колючей проволокой. Нас посадили в подвал. В одном из домов была комендатура, в которую водили на допрос. В другом доме жили офицеры, а отдельно, в доме жил начальник (или комендант) этого маленького лагеря. Рядом, в небольшом домике, была кухня. А еще был огромный сарай, первая половина которого была приспособлена под стоянку машин, а во второй содержали скот (лошадей, коров).

Наш подвал был небольшой, не более 30 кв. метров. Условия содержания были ужасные. Мужчины, женщины и дети находились все вместе. Подвал - это голые стены, и солома на бетонном полу, где даже не было возможности для того, чтобы сходить в туалет, несмотря на то, что узников было много (порой до 60 человек), среди них были и малолетние дети. Кормили один раз в сутки, давали не более 100 граммов хлеба и кружку супа, а суп - это вода и немного перловой крупы без соли. Во двор нас выпускали 2 раза в день: утром, когда взрослых направляли на работу рыть окопы, и вечером, когда они воз-

вращались. В это время нас всех пересчитывали, остальное время мы были под замком. Кричать, стучать нам запрещали, грозя расстрелом.

В охране служили, в том числе и восемь русских. Они, также как и фашисты, носили форму СД, но в своей жестокости порой превосходили фашистов. Начальник охраны (фамилия его Кондаков) так издевался и избивал заключенных, что и описать невозможно. Пьяный, при всех на поверке мочился в колодец, из которого потом мы брали воду.

Уборку в камере не делали и в баню нас ни разу не водили. Естественно, что в таких условиях вспыхнула эпидемия тифа. Первыми заболели мы - дети, но, поскольку нас на работу не направляли, на нас фашисты не обращали никакого внимания. Когда же заболели и взрослые, одновременно почти 37 человек, в том числе и мой старший брат, тогда фашисты запаниковали. Чтобы избежать заражения, на рассвете 3-го мая 1944 года всех больных – 37 человек погрузили в машину, отвезли в лес и расстреляли. Так погиб мой старший брат Барановский Семён...

К этому времени у меня, моего младшего брата Олега и еще у нескольких ребятшек, которые заболели раньше, кризис болезни уже миновал. Наверно поэтому мы остались живы.

Наша тюрьма была, по-видимому, пересыльным пунктом. Почти каждый день одного или нескольких заключенных увозили, а новых привозили.

Дня за четыре до нашего освобождения, а Бешенковичи освободили в конце июня, начале июля 1994 года, большую группу заключенных, в основном молодых, куда-то увезли. В подвале оставалось человек 15. Нас перестали кормить, дверь не открывали, видимо было не до нас, потому что уже шли бои за освобождение города Бешенковичи.

Когда нас освободили, на нас смотрели как на музейные экспонаты, мы были похожи на скелеты, обтянутые кожей.

Солдаты Советской Армии помогли нам - отцу, матери, младшему брату и мне, вернуться в свой город Сенно, где я проживал до 1953 года. В 1953 году уехал в город Саратов.

Вот то немного, что я помню из тех далеких и тяжелых для нашей страны времен».

БОЙКО

Виктор Иванович

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Бойко Виктор Иванович родился 21 июня 1938 года в городе Константиновка Сталинской (ныне Донецкая) области, Украина.

Из воспоминаний:

«В сентябре 1943 года я вместе с матерью был вывезен немцами в Германию. Мы были размещены в лагере иностранцев в районе города Вена, где находились до октя-

бря 1944 года. В октябре 1944 года были отправлены в Чехословакию в населенный пункт Шмидебергер (?), где мать работала чернорабочей на фабрике по изготовлению рыбных продуктов.

В мае 1945 года после освобождения Советской Армией, были направлены в лагерь советских граждан в городе Хемниц(?), провинция Саксония. После прохождения фильтрации 3 июля 1945 года, мать приняли на работу при оперативном секторе земли Тюрингия на должность переводчика немецкого языка. В Союз вернулись только в 1950 году.

Образование среднее.

Работал в оборонной промышленности радиомонтажником, мастером, старшим инженером. Отмечен юбилейной медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью «Ветеран труда», знаком «Почетный донор России».

БОНДАРЕНКО

Владимир Александрович

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Бондаренко Владимир Александрович родился 28 февраля 1935 года в Белоруссии. С 1943 года по май 1944 года находился в немецком плену в концентрационном лагере «Азарици».

Образование высшее.

Работает по настоящее время.

Член областного совета БМУ.

ВОЙТЕНКО

Евгений Агафонович

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей, удостоверение серия Р №98832.

Войтенко Евгений Агафонович родился в 1931 году.

Из воспоминаний:

«Я, мать и брат были арестованы 10 апреля 1942 года. На квартире у нас временами ночевали партизаны. Мне иногда приходилось выполнять их поручения. Могли забрать в гестапо, но обошлось и нас отправили в Германию. Это было «первое чудо». Находились в лагерях городов Краков, Люблин, Пшемысль до октября 1942 года.

... Когда в Кракове нас гнали через мост, я был истощен и сильно устал, хотел броситься в воду. На одной из станций Западной Украины мимо вагона проходил «бенде-

ровец» и злорадно запел: «Москва моя, ни кем непобедимая». Моя мать не побоялась последствий и крикнула ему: «Все равно Красная Армия победит!» В Пшемышле ее увели полицаи. Меня с братом увезли в другой лагерь, где содержались тяжелобольные. После посадили в вагоны и долго везли в разных направлениях по Польше и Украине. Два вагона с пленными находились впереди, а сзади были вагоны с различной военной техникой. На остановках снимали умерших.

В один из дней нас вывели из вагонов, человек 10-15. Гестаповцы с автоматами, переговариваясь между собой, повели нас к лесу, потом показали направление и сказали на ломаном русском языке: «На Киев». Это было «вторым чудом», но и большим горем – я потерял любимую маму...

После освобождения Киева на улице Владимирская, дом №45 находился штаб партизанского движения Украины, которое возглавлял дважды Герой Советского Союза Ковпак Сидор Артемович. Я встречался с партизанами, которых знал. Все они были награждены орденами и медалями. Один подвиг мне известен. Когда в Киеве в центре города на Крещатике расположились штабы, комендатура, Управа, то все это взлетело на воздух. После этого взрыва немцы расстреляли всех евреев Киева и были расклеены приказы, что за укрывательство партизан виновные будут повешены...

В 1945 году вернулся отец, он воевал, защищая Одессу и Севастополь».

Образование: средняя школа, в армии школа авиационных механиков, после армии Юридический институт по специальности «Морское право», Тихоокеанский институт рыбного хозяйства и океанографии – ускоренный курс инженеров научно-промысловой разведки.

Работал начальником рейса промысловой разведки, инспектором рыбоохраны, штурманом. Морской стаж – 35 лет. Отмечен медалью «Ветеран труда», знаком «Ветеран Базы тралфлота», почетными грамотами.

ГУНДОБИНА (СОЛДАТЕНКОВА) Елена Федотовна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Родилась 25 января 1935 года рождения в семье военнослужащего. Место рождения – Харьков. До Великой Отечественной войны семья жила в Вильнюсе.

Когда началась война, отец ушел воевать, а семья (мать, сын и дочь) сразу же попали в плен и находились в фашистских концлагерях. Первые два года в концлагере «Субачус-37» (г. Вильнюс), а затем до июля 1944 года в концлагере «Алитус» (Литва).

После освобождения из концлагеря уехали в город Курган к родне, где поступила сразу во второй класс средней школы. В марте 1945 года нашли отца (он был ранен и находился в городе Пермь), и все вместе переехали в Саратов, где ему предоставили работу.

В 1953 году, окончив школу, поступила в Саратовский университет на химический факультет. После окончания СГУ работала в НИИХИТе (радиотехническая промышленность) инженером-технологом по разработке новых типов аккумуляторов. В 1969 году работала в КБ «Электроприбор» (авиационная промышленность) сначала старшим инженером, а затем начальником технологического бюро по гальваническим процессам, печатным платам, аналитической и спектральной лаборатории. С этой должности в 1990 году ушла на пенсию. Имеет мужа, двух дочерей и трех внуков.

За время учебы и трудовой деятельности вела большую общественную работу, о чем свидетельствуют многочисленные почетные грамоты, благодарности, премии и вознаграждения за отличную учебу, активную общественную работу и творческий труд.

3 декабря 1987 года от имени Президиума Верховного Совета СССР была вручена медаль «Ветеран труда». Имеет также медали «Лучший рационализатор авиационной промышленности» и «Донор СССР».

Гундобина Елена Федотовна активный член Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Со дня основания Саратовского отделения Союза БМУ и до настоящего времени состоит членом Областного Совета, исполняет обязанности главного бухгалтера отделения. Участница двух Международных конференций узников, прошедших в Саратове в 1998 и 2003 годах, многих слетов, симпозиумов и встреч с молодежью. Работает самоотверженно и бескорыстно.

В рамках патриотического воспитания молодежи принимала активное участие в организации и проведении слетов в школе №73 г. Саратова на базе музея БМУ фашистских концлагерей «На детстве моем войны отметина». Проводит обширную патриотическую и воспитательную работу среди учащихся школ (№№ 8, 73, 76, 14, 55, 51, 46, школа №8 в

г. Аткарске), в библиотеках (детская им. А.С. Пушкина, центральная), в детских приютах «Возрождение», «Маленькая страна», «Доверие», а также неоднократно беседовала с ребятами из «Центра реабилитации малолетних правонарушителей». Осуществляет непрерывную связь с общественными организациями в городе.

Отмечена медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», знаком губернатора «Фронтовик», почетным знаком губернатора «За любовь к родной земле».

ДЕНИСОВА (СКОЛКОВА) Виктория Георгиевна

*Денисова (Сколкова) В.Г.
1949 г.*

*Сколкова И.Г.
1950 г.*

Сестры-близнецы Сколковы Ираида и Виктория на дипломной работе (слева направо). Ленинград, 1951 г.

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Родилась 6 августа 1928 года и жила в Сталинграде.

В октябре 1942 года вместе с семьей была этапирована немецкими захватчиками в Ростовскую область и помещена в лагерь для советских военнопленных в городе Белая Калитва.

Освобождена в феврале 1943 года.

Образование высшее техническое. В 1952 году окончила Ленинградский институт технологии и дизайна и была распределена в Саратов на завод «ЭЛМАШ». В 1960 году перешла на завод «Контакт», где работала до выхода на пенсию. В электронной отрасли проработала 32 года, в основном в должности руководителя службы стандартизации. Общий стаж работы – 42 года.

За успехи в трудовой деятельности и активное участие в общественной жизни занесена в «Книгу трудовой славы завода «Контакт» (1967 год). В 1980 году получила звание «Почетный ветеран завода».

Отмечена «ГОССТАНДАРТОМ» памятным знаком «40 лет стандартизации в СССР» (1965 год) и знаком «За заслуги стандартизации» (1968 год).

Правительственные медали: юбилейная медаль к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина «За доблестный труд» (1970 год) и медаль «Ветеран труда» (1983 год).

Инвалид 2 группы.

Семейное положение – замужем. Имеет сына 1953 года рождения и дочь 1958 года рождения, шестеро внуков и два правнука.

Из воспоминаний сестер-близнецов Сколковых Виктории Георгиевны и Ираиды Георгиевны:

«Все дальше и дальше отодвигается время военного лихолетья. Много уходит из памяти, но самые жуткие периоды и переживания не забываются. Все больше и больше недоумеваешь, как можно было вынести все ужасы, выпавшие на долю жителей Сталинграда и выжить...

Сталинграду выпала участь стать последним рубежом скоропалительного продвижения немецких захватчиков в глубь нашей Родины и стать бескомпромиссной жертвой, брошенной на алтарь победы. По личному указанию Сталина эвакуация из города предприятий и населения была запрещена. До последнего часа начала жуткого разрушения город жил напряженной трудовой жизнью, в котором участвовало все мало-мальски трудоспособное население, включая стариков и подростков.

23 августа 1942 года, когда фашисты находились еще сравнительно далеко от Сталинграда, вражеская авиация нанесла массированный бомбовый удар по городу. Центральный район, где мы проживали, в считанные часы был практически сметен с лица земли. Начался настоящий ад.

Многие дни все кругом грохотало, рушилось и пылало. Немецкие войска подошли к городу и на развалинах улиц начались бои. Оставшиеся в живых жители, в том числе и мы, прятались в подвалах и щелях, с риском для жизни добывая воду и пропитание. Это пещерное, полное смертельной опасности существование длилось более месяца. По мере захвата территории немцы под дулом автоматов выдворяли людей из укрытий и гнали за город на тракт. Там нас, истощенных, оборванных, потерявших все необходимое для жизни, окружили вооруженные фашисты и полицаи и колонной погнали вглубь оккупированной территории в Белую Калитву.

Шли пешком, подгоняемые окликами и пинками охранников, выбиваясь из сил, редко утоляя мучительный голод и жажду. Ночевали в степи прямо на земле. Пеший этап до Белой Калитвы длился около месяца. Там нас загнали на огражденную колючей проволокой с вышками по периметру территорию лагеря для советских военнопленных и запихнули в какой-то ветхий барак. Здесь мы сполна познали горькую участь порабощенных.

Немцы не считали нас за людей, называя нас не иначе как «руссишь швайн». Условия нашего существования были доведены до скотских. Мы были бесправны, голодны, заброшены. Быт лишен самого необходимого. Спали вповалку на старых, грязных нарах, все обовшивели, обносились, болели, ноги были в изъязвленных болячках, головы в струпьях.

В бараке было очень холодно. Маленькая железная печурка чуть теплилась, уголь для нее мы добывали с риском для жизни, роясь в старом отвале лавы на окраине лагеря. В лагере наша семья находилась до середины февраля 1943 года, то есть до освобождения этой местности от фашистов советской армией.

Наступление нашей армии было стремительным. Немцы в панике покинули лагерь, не успев провести свои обычные ликвидационные действия по уничтожению улик и очевидцев их злодеяний. Радость, которую мы испытали, увидев наших солдат, не поддается описанию. Для нас это было таким же грандиозным событием и праздником как великий День Победы. Изможденные узники ликовали, - Наши, наши пришли! - слышалось вокруг. Мы все обнимали появившихся бойцов и только горестно сожалели, что не можем встретить освободителей по русскому обычаю с хлебом и солью».

ЕРМАКОВА Александра Ивановна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей, удостоверение №163439.

Родилась в 1935 году в Клетнянском районе Брянской области, деревня Николаевка.

Из воспоминаний Александры Ивановны:

«Наша Брянщина была оккупирована фашистами в первые месяцы Великой Отечественной войны. Наш район находился под оккупацией до середины сентября 1943 года.

Многое осталось в моей детской памяти из событий того страшного времени. Мы, детвора, с любопытством встретили торжественный въезд немцев в нашу деревню, но когда они начали заселять наши дома, выгоняя нас в различные подсобки, когда по деревне начал раздаваться визг свиней, крик переполошенных кур, женский плач – наш интерес, точнее любопытство, сменилось страхом. Дальнейшая жизнь была наполнена ужасами войны. Во время бомбежек прятались в подпол, в погреб и сидели там затаив дыхание. Какой ужас испытывали дети, и наши матери, когда шли бои партизан с фашистами! Мы еще долго учились в школе, стены и двери которой были изрешечены пулями – это результат сражения партизан с немцами.

После войны еще долго для жителей деревни ориентиром был не запад или восток, юг или север, а береза, где были повешены немцами три советских солдата, воронка от бомбы, участок дороги, где была подорвана немецкая машина и многое другое.

11 июня 1943 года наша семья, как и сотни семей жителей нашего Клетнянского района были угнаны фашистами из родных мест.

Наша семья попала в концлагерь №130 для советских военнопленных и мирных жи-

телей, который находился на окраине города Рославль Смоленской области. Мы там находились до освобождения нас солдатами Советской Армии. Домой, в разграбленные и опустошенные немцами и полицаями дома, мы вернулись в начале ноября 1943 года.

Картины жизни месяцев, проведенных в концлагере, часто возникают в памяти: серые сырые бараки, окрики часовых, лай собак, частые выстрелы. Вспоминается кормежка – баланда из неочищенной картошки, пареная брюква или свекла, но мы были рады и этому.

Пусть все пережитое нами уйдет в прошлое и никогда не повторится.

Пусть грядущие поколения узнают о событиях Великой отечественной войны, о том, что пришлось пережить народам нашей страны из рассказов очевидцев (пока они живы), из исторических материалов, из книг и кинофильмов, но знать должны.

Без знаний и анализа важнейших событий прошлого нельзя построить счастливое будущее».

ЕРМАКОВ Евгений Тимофеевич

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей, удостоверение №163438.

Из воспоминаний Евгения Тимофеевича:

«Родился я в 1938 году в Брянской области Клетнянского района.

Когда началась Великая Отечественная война, отец ушел на фронт, а мать с двумя детьми (я и брат 1936 года рождения) и тетя с двумя детьми переехали к дедушке в деревню Заводище.

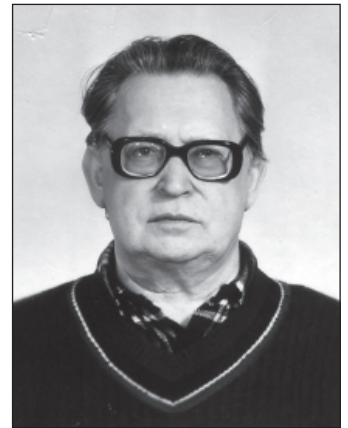
Вскоре Брянщина была оккупирована фашистами, которые начали устанавливать свои порядки.

В нашем районе были созданы партизанские отряды. Гимном партизан была песня «Шумел сурово Брянский лес».

Партизаны вели суровую борьбу с фашистами. В один из отрядов партизан вступил мой дядя Ермаков Иван Ефимович и тетя Ермакова Анна Ефимовна, поэтому наша семья постоянно преследовалась немцами.

Я, по малолетству, мало, что помню о тех событиях. О мародерстве немцев знаю из рассказов матери, дедушки и односельчан.

В начале июня 1943 года немцы провели кампанию по угону населения нашего района из родных мест. Угоняли в разные места: в город Рославль Смоленской области, город Борисов (Белоруссия), в Литву и непосредственно в Германию (туда угоняли работоспособную молодежь).

Наша семья попала в концлагерь №130, что находился в городе Рославль Смоленской области. Нечеловеческие условия содержания узников, в сырых грязных бараках, полугодных, сказались на здоровье, особенно детей. У меня очень болели ноги, и уже после освобождения я долго не мог ходить. В последствии моим спутником по жизни стал ревматизм, который разрушил сердце и привел к инвалидности в 40 лет.

Пусть наша горькая чаша минует внуков, правнуков и все последующие поколения».

ЖИГАЛИНА
Анна Владимировна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Жигалина Анна Владимировна родилась 16 декабря 1931 года в городе Дятьково Брянской области. В 1943 году угнана немцами вместе с семьёй. С 1943 года находилась в концлагере Шауляй. Через полгода их продали помещику для работы.

Освобождены из немецкого плена 5 января 1945 года.

Образование среднетехническое. На пенсии с 1986 года.

ЖУК
Иван Иванович

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Жук Иван Иванович родился 16 декабря 1937 года в селе Ев-
линка Остерского района Черниговской области.

В июне 1943 года был угнан. Оказался с матерью в Австрии
в лагере, расположенном в городе Раурис, где и находился до дня
Победы. Военнопленных освобождали войска США.

Образование среднетехническое. На пенсии с 1992 года.

В настоящее время член областного совета БМУ и куратор от
Ленинского района г. Саратова.

ЗАИКИН
Павел Петрович

Бывший малолетний узник фашистский концлагерей.

Из воспоминаний Заикина Павла Петровича:

«Я родился 14 сентября 1939 года в деревне Стырики Суражского района Витебской

области. Согласно записи ЗАГСа города Пушкино Московской области в моем свидетельстве о рождении указано, что возраст восстановлен, так как документов у нас никаких не было. (В архивной справке № 3-224 от 07.02.1990 г. сказано, что мой год рождения 1938, д. Зеяне).

Когда началась война в 1941 году, моего отца Заикина П.А. и его брата Заикина Б.А. призвали в армию. Наша семья: моя мать Полагая, сестра Таня, брат Николай, я, а также близкие родственники - сестра матери Дуня, двоюродный брат Заикин Иван, Бычинков Иван и некоторые жители нашего района эвакуироваться не успели, немцы на мотоциклах вихрем влетели к нам в деревню, сходу крича «Русь, яйцо, млеко!».

Первое время они не зверствовали, но настоятельно требовали продуктов, иногда сами самовольничали, заглядывали в дом и сараи за живностью и другими продуктами. В дальнейшем, когда немцы узнали, что местные жители помогают партизанам, стали притеснять. Были местные полицаи - предатели, один из которых после окончания войны вернулся домой. Его чуть не убили односельчане, хотя он, согласно документам, вину свою искупил перед родиной. Местная администрация посоветовали ему немедленно ретироваться из деревни, так как за последствия его здоровья и жизни отвечать никто не будет. Исчез незамедлительно и тайно.

В период с 1941 года по август 1943 года мы находились в партизанской зоне. В результате мы все вынуждены были бежать в лес в партизанский отряд, так как готовилась облава на местных жителей, о чем нас предупредили партизаны. Мать ради меня в партизанский отряд привела корову. В августе 1943 года во время карательной операции немцы взяли нас всех в плен и отправили в Освенцим в концлагерь «Аушвиц», где мы находились до окончания войны. По прибытию в концлагерь нам всем стали выкалывать номера, в том числе и детям, мой номер 158726 выколот на левой руке.

В концлагере я находился с матерью, за исключением времени, когда она была на работах. Так мне рассказывал двоюродный брат Иван Михайлович, когда я был у него дома в гостях в сентябре 1997 года городе Городок Витебской области. Но все-таки меня с матерью разлучили и отправили в барак к детям моего возраста и старше. Она очень переживала разлуку со мной. Иногда тайком приходила навестить меня в детский барак, за это очень строго наказывали, приносила покушать, и не только она, но другие заключенные кидали что-то покушать через колючую проволоку. Но немцы стреляли с вышек по этим кускам.

Через некоторое время после разлуки с матерью, она заболела. В лагере всех больных отправляли в газовую камеру. Предчувствуя самое плохое, мама пришла проститься со мной, сестрой, братом и родственниками, которые были в концлагере.

После я заболел, и меня также ожидала верная смерть. К удивлению родных меня взялась вылечить сестрица концлагеря – полячка. Она увела меня с собой и через некоторое время после лечения вернула в барак. Меня, вероятно, спасла жалость к крайне истощенному, но симпатичному голубоглазому мальчику.

Во время перевозки заключенных, при пересадке сестра Таня бросила меня в желез-

нодорожный вагон, переполненный пленными прямо на головы людей. Если бы я потерялся, то наверняка погиб. В вагоне стоял плач детей и взрослых, неразбериха, шум и крик. Помню, как однажды надо мной наклонился военный в фуражке с высоким околышем, что-то мне говорил. Где это было и когда не помню.

В концлагере «Аушвиц» города Освенцим (Польша) мы находились с августа 1943 года по апрель 1945 года. После освобождения нашими войсками, мы прибыли в детский дом города Пушкино Московской области вместе с сестрой Татьяной 1930 года рождения и братом Николаем 1935 года рождения.

В детском доме нас встретили с радостью и вниманием. Хорошо кормили, было много игрушек. Особенно меня удивил стенд с игрушечными машинками, я подолгу ими любовался и играл. Для меня это время было, как в сказке. Все время нахождения в детском доме, а это длилось не менее года, мы были окружены отеческой заботой и душевной теплотой.

В 1946 году в детский дом приехал отец, чтобы забрать нас всех троих с собой в деревню Озерково Шуйского района Ивановской области. В то время он после ранения находился на лечении в Ивановском госпитале. Нас троих провожал весь детский дом с радостью, завистью и надеждой, что и за ними скоро приедут родные. Заведующая детским домом была очень удивлена, что отец нас увозит, по ее словам родственники приезжали посмотреть на детей, но забрать не могли, потому что кушать нечего и жить негде, в Белоруссии все сожжено, люди живут в землянках.

В 1954 году моя старшая сестра Таня заболела, лечилась в сельской больнице с. Дунилово Шуйского района. Лечение длилось несколько месяцев, но безрезультатно. Предположительно причиной ее болезни было пребывание в концлагере.

Я в 1956 году после окончания школы поступил учиться в Ивановскую строительную школу, но закончить ее не смог. Проучился полгода, и заболел. Лечение проходил в областной больнице г. Иванова. Лечение продолжалось четыре месяца. В результате перенес две операции, была ампутирована правая рука. Моя болезнь также предположительно последствие концлагеря.

В 1957 году приехал в Саратов для продолжения учебы в Саратовском сельскохозяйственном техникуме на отделении «Учет и планирование сельскохозяйственного производства». Работал в Облпотребсоюзе товароведом, затем старшим товароведом, на предприятии п/я А7806 инженером, затем начальником материально-технического отдела. Впоследствии заместителем руководителя этого предприятия, затем по рекомендации руководства п/я А1887 был принят на должность заместителя генерального директора акционерного общества «Заволжье» в городе Энгельсе. В 1993 году создал свое предприятие «ООО Фрегат Волга».

Всем моим успехам в жизни как в предыдущие годы, а также в настоящее время я обязан и благодарен друзьям и просто знакомым, которые меня окружали и поддерживали в трудную минуту».

ЗОЛОТУХИН
Валерий Павлович

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Золотухин Валерий Павлович родился 24 января 1941 года в поселке Пришиб Азербайджанской ССР в семье пограничника.

Вместе со своей семьёй был взят в плен 23 июня 1941 года в Литве на границе с Белоруссией. До 1944 года находился в концлагерь Алитус (Литва).

Образование среднетехническое военное, окончил танковое училище.

На пенсии с 2001 года.

ИВАНОВА
Зоя Михайловна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Иванова Зоя Михайловна родилась 03 ноября 1927 года в деревне Большое-Замошье, район г. Новгорода.

Была угнана в Германию 22 февраля 1942 года, где находилась до 11 апреля 1945 года. Вернулась в Новгород в августе 1945 года.

Образование 6 классов.

На пенсии с 1983 года.

С 1988 года член областного совета БМУ.

КАМАРДИНА (БЕЛОУСОВА)
Тамара Михайловна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Камардина Тамара Михайловна родилась 1 октября 1937 года в Калининской области, деревня Ананкино.

Из воспоминаний:

«Перед войной семья жила в поселке Сиверский Гатчинского района Ленинградской области. В лагерях была в Эстонии, Польше, Германии, помню концлагерь «Руссельсхайм», а стальные как во сне. Освободили американцы, когда находилась в западной Германии - лагерь не помню.

Окончила 7 классов в Сиверском, затем в Ленинграде - медицинское училище. Работала медсестрой в больнице, а в

1958 году уехала по комсомольской путевке в Красноярск на строительство алюминиевого завода, работала в больнице».

Сейчас на пенсии, имеет группу инвалидности.

Является членом Союза малолетних узников фашизма.

КОКАРЕВА (МАТЮХИНА)

Евгения Федоровна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Кокарева Евгения Федоровна (Матюхина) родилась 25 мая 1925 года в Смоленской области, Ярцевский район, Харьковский сельсовет, деревня Белькино.

В 1941 году попала под оккупацию и была вывезена в Германию в город Боркино(?).

Работала у Бауэра на сельскохозяйственных работах. В 1945 году после освобождения вернулась в Смоленскую область.

Завербовалась в Саратов и работала на железной дороге.

Находится на пенсии.

Является членом союза малолетних узников фашизма.

КОНСТАНТИНОВА (ГУСЕВА)

Лариса Александровна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Константинова Лариса Александровна (девичья фамилия Гусева) родилась 30 июня 1939 года в городе Новороссийск Краснодарского края.

Изгонялась немецко-фашистскими захватчиками из Новороссийска. Находилась в лагерях города Керчь и села Великая Александровка под Херсоном.

Образование высшее историческое, окончила Саратовский государственный университет. Профессия – преподаватель философии и истории.

КЫТМАНОВА (МАТРОСОВА)

Мария Александровна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Кытманова Мария Александровна (девичья фамилия Матросова) родилась 4 декабря 1927 года в деревне Вязострово Вознесенского района Ленинградской области.

Из воспоминаний:

«В 1941 году окончила 7 классов средней школы, собиралась поступать в медицинское училище, но началась война, и наша территория была оккупирована фашистами, наступавшими на Ленинград.

Наша семья (мама и четверо детей) оказалась в концлагере (сначала №1, затем №2) в городе Петрозаводске.

Наш отец Матросов Александр Иванович был арестован 3 марта 1938 года и, как узнали через 50 лет, расстрелян 14 марта того же года.

После освобождения из концлагеря в родные места возвратиться не пришлось – наша деревня оказалась разрушенной, сожженной. Окончила курсы счетоводов и получила направление на работу в город Лахденпохья в республике Карелия, куда и переехала вся семья.

В 1949 году вышла замуж, окончила педучилище и проработала учителем начальных классов 40 лет, меняя место жительства: города Кемь, Петров Вал, Саратов».

ЛОТОЦКАЯ Сима Марковна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Из воспоминаний:

«Лотоцкая Сима Марковна родилась 20 сентября 1939 года. С 1942 года по 1944 год находилась на оккупированной территории, бывший узник концлагеря «Печёра» на Украине. Попадала под бомбежку, старшую сестру, которой было 9 лет, ранило, и кровь хлестала из ее ноги фонтаном. Помню, как мама, обняв нас всех четверых при бомбежке, закрыв своим телом, сказала, – Если убьют, то всех вместе. Очень хорошо помню холод и голод. После войны пообещала себе, что все сделаю, но мои дети не будут знать войну, голод и холод.

Инженер-строитель. Общий стаж работы 35,5 лет. Из них 25 лет проработала на космодроме «Байконур».

Отмечена юбилейной медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», нагрудными знаками «Отличник военного строительства», «Фронтовик», «Ветеран труда».

ЛОТЦ (ТАРХАНОВА)**Эльвира Сергеевна**

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Лотц Эльвира Сергеевна (урожденная Тарханова), родилась 21 июня 1940 г. в Саратове.

Из воспоминаний:

«Я с мамой, Тархановой Верой Ивановной, находилась у дяди Макарова Николая Ивановича на заставе в городе Дарбинай(?) (Литва), когда началась Великая Отечественная война. 22 июня 1941 года мы с мамой попали в плен, нас поместили в концлагерь города Кретинга «Димитравас» в Литве.

В сентябре 1943 года нас вывезли в Германию. Мама работала на сельхозработах у Бауэра, а я находилась на скотном дворе, так, как была очень маленькая, в возрасте 3-х лет, и работать не могла. В 1945 году, когда нас освободила Советская Армия, после многочисленных проверок нас отправили на Родину в город Саратов.

Имею среднее медицинское образование. Сейчас на пенсии, но работаю в глазной клинике СМУ медицинской сестрой.

Куратор Союза БМУ от Октябрьского района города Саратова.

МИХАЙЛОВ**Олег Владимирович**

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Михайлов Олег Владимирович родился в 1940 году в Ленинградской области.

С октября 1941 года по август 1944 года находился в концлагере города Петрозаводска.

Образование высшее. Инженер.

Член Бюро Саратовского отделения Союза БМУ.

МИХЕЕВА (ЧАЛОВА)**Валентина Васильевна**

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Михеева (Чалова) Валентина Васильевна родилась 7 июля 1938 года в городе Сталинграде.

Была угнана немцами вместе с семьей в Австрию, город Симбун-Сербик(?), где находилась с 28 октября 1942 года по 9 мая 1945 года. В Сталинград вернулись 20 июня 1945 года.

Образование среднетехническое.

На пенсии с 1993 года.

В настоящее время – член областного совета БМУ и куратор Ленинского района Саратова.

**ПЕТРОВА (КИСЕЛЕВА)
Тамара Васильевна**

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Петрова (Киселева) Тамара Васильевна родилась 30 марта 1936 года в деревне Сосновый бор Петровского района Саратовской области в семье военнослужащего. Получила среднее образование в школе №35. В 1956 году поступила на завод №465 («Знамя труда»). Общий рабочий стаж 40 лет.

За период работы была неоднократно награждена грамотами и денежными премиями. Вручен заводской знак «Ветеран труда» и Государственная медаль «Ветеран труда». Четыре созыва избиралась депутатом Саратовского городского совета депутатов.

Петрова Тамара Васильевна является членом Совета и членом Бюро Саратовского регионального отделения общественной Общероссийской организации бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Главной задачей организации является патриотическое воспитание молодежи. Организуются встречи с учащимися школ №№ 73, 14, 108, 94, 67, подшефная школа - интернат №2, встречи в библиотеках с учащимися 5-11 классов, в областной научной библиотеке, в городской научной библиотеке, в областной библиотеке для слепых. По просьбе работников центра реабилитации и патриотического воспитания проходили встречи с малолетними правонарушителями.

Отмечена почетным знаком «Фронтовик», памятными медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», знаком «Участник парада Победы. 60 лет». Неоднократно отмечалась благодарностями и почетными грамотами Министерства социального развития за заслуги перед международным движением бывших малолетних узников фашизма (в 2005, 2006, 2007, 2008 гг.).

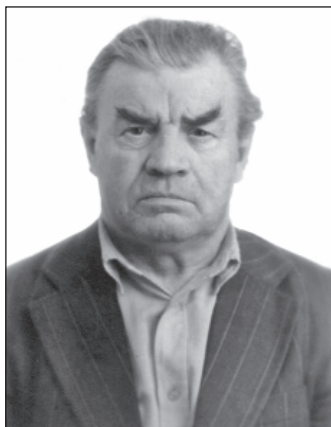
**ПОДНЕБЕСОВ
Евгений Петрович**

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Поднебесов Евгений Петрович родился 16 января 1929 года в Ульяновской области, Радищевский район.

Трудовую деятельность начал в 1941 году в совхозе «Дугино» Новодугинского района Смоленской области.

В октябре 1941 года попал под оккупацию. В 1943 году, в феврале месяце были угнаны в Германию, город Хильдисхайм (?).

В 1945 году вернулся на Родину в город Майкоп, где работал токарем в совхозе «ВЦСПС». В 1947 году переехал в город Саратов, работал на ГПЗ-3, учился с 1951-1954 годы, служил в Советской Армии.

В 1959 году поступил в институт, в 1966-м окончил. В 1971 году был делегатом «Слета трудовых династий» в городе Донецке от Саратовской области.

В 1975 году трудился в Тресте «Саратовводремстрой» главным механиком. В 1977 году – в «СпецВолгопродмонтаж» начальником ПНР. В 1978 году перешел на Увекскую нефтебазу начальником ремонтно-механического цеха, в 1980 году – в управление «Саратовоблсельстрой» главным механиком.

В 1982 году по состоянию здоровья вернулся на ГПЗ-3, где работал до ухода на пенсию в 1997 году.

Отмечен юбилейными медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Участник парада, посвященного 60-летию Победы.

ПОЗДНЯКОВА (МУЗАЛЕВСКАЯ)

Евдокия Ивановна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Позднякова (Музалевская) Евдокия Ивановна родилась 20 июня 1929 года в Орловской области, Знаменский район, село Слободка. Потом жила в городе Карачев Орловской (Брянской) области.

Из воспоминаний:

«В 1941 году наша местность была оккупирована немцами. В 1943 году мы были угнаны из родных мест в концлагерь «Клоча» в Эстонию и находились там по сентябрь 1944 года. В лагере со мной находились мама, бабушка, сестра и брат.

Бабушка умерла в концлагере. Отец пропал без вести в ноябре 1941 года».

После освобождения из лагеря завербовалась работать на ткацкую фабрику в Саратовскую область, город Красноармейск. Проработала ткачихой 20 лет.

В 1988 году окончила курсы бухгалтеров и переехала жить в Саратов.

Сейчас находится на пенсии.

РЕБРОВ
Виктор Никитович

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Ребров Виктор Никитович родился 28 марта 1937 года в селе Ильиновка Татищевского района Саратовской области.

Был угнан немцами из города Ржева с семьёй в Германию. С 1942 года по 1943 год находился в концлагере города Слущка.

В 1945 году вернулся на Родину и стал проживать в деревне Кологriровка Татищевского района Саратовской области.

Образование 8 классов.

На пенсии с 1992 года.

РЕШЕТОВА (ТЮРИНА) М.В.

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Решетова М.В. (в девичестве Тюрина), родилась 5 июня 1932 года в селе Малая Тросна Орловской области.

Из воспоминаний:

«Осенью 1941 года немецкие захватчики оккупировали наше село и началось мародерство и грабеж населения. В марте 1943 года фашисты, в связи с отступлением, взяли нас в заложники. В декабре 1943 года нас освободили советские войска. Это было в Гомельской области. Все это время без питания и крыши над головой, мы брели рядом с немецким обозом.

Позже окончила школу, два ВУЗа, более 30-ти лет трудилась преподавателем в техникуме.

Отмечена юбилейными медалями «К 100-летию В.И. Ленина», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда».

САШКИНА
Евдокия Николаевна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Сашкина Евдокия Николаевна родилась 10 марта 1925 года.

29 мая 1942 года была угнана фашистами в Германию из города Большой Токмак Запорожской области и помещена в Мариенфельский(?) концентрационный лагерь города Берлина.

Освобождена была в день окончания войны 9 мая 1945 года.

Образование 7 классов.

Трудилась в сфере общественного питания.

Пенсионерка, инвалид 2-й группы.

СТЕПАНИЩЕВА

Тамара Петровна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Степанищева Тамара Петровна родилась в Воронеже в 1939 году, где проживала с родителями.

Из воспоминаний:

«Началась Великая Отечественная война, отца призвали в армию. А летом 1942 года немцы заняли Воронеж. Мне было 3 года, а маме 20 лет. Фашисты организовали в Воронеже лагерь, куда нас с мамой и поместили. Находились мы в лагере до освобождения Воронежа в январе 1943 года.

В 1946 году пошла в школу, окончила в 1956 году. Работала на почте и заочно училась в техникуме связи, в 1960 году окончила.

Пенсионерка, инвалид 2-й группы».

ТУРУШКИНА (ВАВИЛОВА)

Валентина Ивановна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей. Удостоверение серия У № 04677.

Турушкина Валентина Ивановна родилась в 1934 году.

Из воспоминаний:

«До Великой Отечественной войны проживала в деревне Старицы Идрицкого района (ныне Себежский) Калининской области (ныне Псковской).

В августе-сентябре 1941 года маму, брата и меня вместе со всеми жителями деревни насильно угнали в Германию (название населенного пункта не помню). В лагере, заключенные нашего барака, кто выжил до 1944 года, были развезены по Германии. Мы попали в Западную Германию, нас освобождали американские солдаты. Летом 1945 года нас привезли в Идрицу, но так как все было разрушено, мы в землянке прожили год.

В 1945 году поступила в 1-й класс наспех сколоченной деревянной школы. В 1955 году окончила 10 класс, отослала документы на юридический факультет в Свердловске (ныне Екатеринбург). До экзаменов меня не допустили, т.к. была в плену в Германии. Год работала, а в 1956 году поступила во Всесоюзный московский финансово-экономический заочный институт, в 1962 году окончила.

Общий стаж работы 43 года, в т.ч. 36 лет в Саратовской Энергосистеме. Имею много благодарностей и грамот за труд. Являюсь «Почетным энергетиком Саратовэнерго», ветеран труда».

ХОХЛАЧЕВА
Лидия Николаевна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей. Удостоверение № 04657.

Хохлачева Лидия Николаевна родилась 3 октября 1941 года в городе Жиздра Калужской области.

Из рассказа Хохлачевой Лидии Николаевны:

«В июле 1943 года мы вместе с мамой были насильственно вывезены немецко-фашистскими войсками сначала в лагерь «Алитус» в Прибалтику, а затем в сентябре 1943 года в Германию под город Магдебург на сельскохозяйственные работы. В начале мая 1945 года нас освободили союзные войска. На родину вернулись 11 июля 1945 года. Все что я запомнила – голод, холод, болезни, весь город был разрушен, от нашего дома осталась одна печь. Не дай Бог, чтобы такое повторилось.

Образование среднее. Стаж работы более 32-х лет.

Отмечена юбилейной медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью «Ветеран труда», знаком «Участник парада Победы. 60 лет».

ЦЫЦУРА (ВЕДИНА)
Ради́ль Марковна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей.

Цыцура Ради́ль Марковна (урожденная Веди́на) родилась 30 сентября 1935 года, на погранзаставе Казанского округа в Казахстане, в семье военнослужащего Веди́на Марка Васильевича.

Из воспоминаний:

«Отец был назначен начальником пограничного поста 88-го отряда Западного военного округа в Польше. 22 июня 1941 года началась война, и мы с мамой попали в плен, оказались в тюрьме г. Ломжи. После торгов нас вывезли в Восточную Пруссию. Мама работала в хозяйстве у Бауэра, я пасла гусей.

Освободила нас Советская Армия в 1945 году. Вернулись на Родину».

Образование среднетехническое. Работала на Саратовском авиационном заводе.

Сейчас на пенсии. Член областного совета БМУ.

ЩЁГОЛЕВА
Галина Владимировна

Бывший малолетний узник фашистских концлагерей

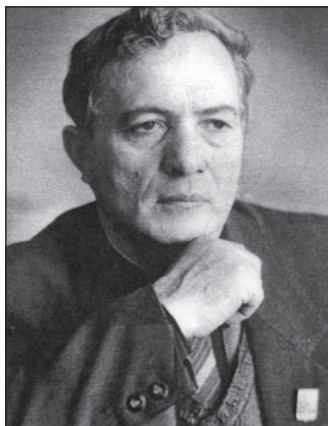
Щёголева Галина Владимировна родилась 17 ноября 1942 года в Смоленской области, Дорогобушский район, деревня Прогудино.

Всю семью немцы угнали в Германию в город Гере(?). В плену находились с 1943 по 1945 год. Вернулись в Смоленск в 1945 году.

Образование среднетехническое.

На пенсии с 1997 года.

Разин Владимир Борисович родился в 1936 году городе Минске. В день начала войны находился с детским садом в пригороде Минска, в Городищах. На третий день войны в вагоне товарного поезда отправлен в эвакуацию. Больше десяти дней, показавшихся вечностью, дети с воспитателями добирались до города Хвалынска Саратовской области. Мама, оставшаяся в Минске «пропала без вести». Воспитывался в детском доме №7. Стал профессиональным военным, в период 1981-1983 годов принимал участие в боевых действиях в Афганистане.

*По материалам книги Владимира Разина
«От Минска до Хвалынска»*

ИЗ БЕЛОРУССИИ В САРАТОВ

Из истории:

Москва.

В 3 часа 30 минут 22 июня 1941 года начальник штаба Западного особого военного округа генерал В.Е. Климовских доложил руководству Советского Союза о налёте немецкой авиации на города Белоруссии. Чуть позднее, в 4 часа 10 минут того же начинающегося дня, в Москву поступил доклад о начале боевых действий на суше...

Москва.

В 4 часа 30 минут 22 июня посол Германии в СССР граф фон Шуленбург позвонил в Кремль, срочно просил принять его. На приёме у Народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова он от имени правительства Германии сделал заявление. Заявление было кратким: Союзу Советских Социалистических Республик объявлена война...

Железнодорожные рельсы земли саратовской гудели непрерывно и днём и ночью. На запад уходили эшелоны с воинами и боевой техникой, а оттуда, с запада, товарные составы с беженцами, в числе которых большие и малые группы уже осиротевшей детворы.

Эвакуация...

По данным Белорусского республиканского детского фонда (1988 г.), в эвакуацию из Белоруссии выехало более миллиона детей.

Современные историки Белоруссии оперируют такими цифрами: в первые дни Великой Отечественной войны с фашистской Германией и их союзниками из республики эвакуи-

ровано не менее 110 детских домов, 50 детских садов, 30 пионерских лагерей, 6 спецшкол (для детей с тяжёлыми недугами) и детских санаториев.

Спасено свыше 16 тысяч человек, которые были отправлены в ряд областей Российской Федерации, а также в Казахстан и Узбекистан. Эти цифры – условные. Никто и не контролировал эти события, не вёл учёта детворы, отправленной в эвакуацию и, разумеется, никто и не обеспечивал эти коллективы продуктами питания.

По существу, это была не эвакуация, а бегство. И успех во многом зависел от умелых и своевременных действий руководителей или рядовых сотрудников дошкольных и школьных учреждений. А то – и случая.

В июле сорок первого из Белоруссии в Саратовскую область прибыли детвора и подростки семи детских домов, двух санаториев, двух пионерских лагерей и шестнадцати детских садов. Из 16 детских садов, 9 (!) прибыло с общим количеством детворы лишь 21 (!) человек. Остальные погибли или пропали без вести и от бомбардировок фашистских самолётов, и от многодневного голода.

Эвакуация... Словари русского языка утверждают, что «эвакуация» – это организованный вывоз людей, оборудования и т.д.

В Белоруссии, особенно в западных районах, приграничных, в условиях внезапности начала войны, бомбёжек, пожаров, почти непрерывного гула армий вражеских самолётов, было не до организованности, хотя порою были случаи проявления величайшей собранности, быстрых и разумных действий. А так – страх, паника... Каждый – сам по себе. В бегство, как получалось, казалось бы, со здравым смыслом, надеждой, но... Из огня да в полымя люди брели днём и ночью, в дождь и в невыносимый полуденный зной, шагая по родной земле. А люди – то прятались, то от усталости и голода валялись с ног, но – вставали, и – вновь брели, оставляя позади себя не десятки, а сотни километров.

При железнодорожных вокзалах станций Саратова, Вольска, Балашова и Ртищева с первых дней войны активно работали эвакуационные пункты, выполнявшие задачу приёма и размещения эвакуированных граждан, учреждений и промышленных предприятий, для чего круглосуточно там находились представители государственных органов и медицинские работники.

Эшелоны встречали не только сотрудники эвакуационных пунктов, но и простые саратовцы, чаще всего женщины. И нередко уводили они прибывших одиночек-сирот не для отправки в казённые приюты, а в тепло своего дома. При этом, не обращая внимания на то, какой национальности сирота: русский, белорус, украинец, еврей...

Вот она, исконно русская душа, в полной мере проявившая себя в лютую годину.

Чаще всего эвакуированных детей принимали на эвакуационных пунктах при железнодорожном вокзале станции Саратов-1.

В июне – июле 1941-го большинство прибывающих на саратовскую землю беженцев были из Белоруссии, и все они здесь были приняты достойно. Саратовцы не забыли оказанную им Белоруссией помощь в суровую годину испытания голодом, в 1921 – 1922 годах. Ещё бы!.. Такое не забывается века, а тут всего-то минуло два десятка лет. И вот теперь, в июне – июле 1941-го, саратовцы принимали беженцев из Белоруссии.

Из истории:

В 1921-1922-х годах по Саратовскому Поволжью пронёсся пожар засухи. В эти годы на саратовской земле — голод.

Губерния Саратовская была в те годы огромной. Её просторы простирались по территории нынешних областей Саратовской, Волгоградской и Астраханской, а ещё и частично — по нынешней территории Пензенской и Ульяновской областей. Территория — от средней Волги — до Каспия! В пяти, наиболее пострадавших уездах — на территории современных районов — Дергачёвском, Новоузенском, Покровском (Энгельсском), Саратовском и Хвалынском, ежедневно регистрировались случаи голодной смерти.

Саратовская губерния нуждалась в экстренной помощи, но, к горькому сожалению, Россия, с учётом последствий Первой мировой войны, Октябрьской Революции, Гражданской войны, военной интервенции 14 государств, а ещё и засухи в Поволжье, была слишком обессиленной.

Правительством России помощь саратовцам была оказана, но она не могла разрешить всех остро назревших проблем. Голод — на громадной территории страны, а к тому же совершалась масса диверсий: хищение и уничтожение зерна, поджоги продовольственных складов и баз...

В безысходности создавшегося положения постановлением Совета Народных Комиссаров за Саратовщиной для оказания помощи была закреплена Белоруссия. Это постановление больше походило на убедительную просьбу.

И Белоруссия, при наличии своих нерешённых проблем, всё тех же, что и в России, за исключением засухи, с заданием-просьбой Совнаркома России успешно справилась.

То ли явь, то ли кошмарный сон... Разными были судьбы беженцев сорок первого после долгой, изнурительной и опасной дороги. До земли Саратовской добирались «счастливчики», ведь многие погибали в пути... В общем, настоящий Вавилон: эшелоны, или то, что оставалось от них, страшный гомон, свист и гудки паровозов, лязганье металла и... немецкие мотоциклисты, да самолёты... Бомбёжки, пожары, надрывные крики, призывы о помощи. Прибывающие на саратовскую землю беженцы были истощёнными, грязными, с помутневшими взглядами и уставшими душами.

Рабочие коллективы ряда крупных промышленных предприятий союзного и республиканского значения Белоруссии бежали от войны не с «голыми руками», а с техническим оборудованием своих предприятий. Для Белоруссии тех дней, находящейся под ошеломляющим прессингом гитлеровцев, каждый из этих случаев — уникален!

Одно из таких предприятий — Витебский станкостроительный завод имени Коминтерна. Наиболее ценное оборудование трудящиеся завода в труднейших условиях, в предельно сжатые сроки размонтировали и погрузили в железнодорожные вагоны.

В июле 1941 этот эшелон прибыл в Саратов. Оборудование «прямо с колёс» монтировалось в цехах Саратовского станкостроительного завода. И уже в октябре того же года завод приступил к массовому выпуску боевых снарядов.

В том же Витебске, в том же июне 1941-го, проявив героизм, отменно сработали и сотрудники местной швейной фабрики. Они в предельно сжатые сроки размонтировали и погрузили в железнодорожные вагоны станки и иное техническое оборудование своего предприятия. А в июле и эти вагоны прибыли в Саратов.

В распоряжение Витебской швейной фабрики была предоставлена соответствующая площадь на втором этаже Саратовского «Крытого рынка». А спустя полтора месяца белорусские мастера Витебской швейной фабрики стали выпускать свою продукцию.

Какие только подвиги не совершали в годы войны обычные люди.

В одном из залов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. есть маленькая фотография белорусского селянина В.Е. Рудько.

Подпись под фотографией: «Председатель колхоза «Пролетарий» Любанского района Минской области В.Е. Рудько перегнал в Саратовскую область 250 голов колхозного скота».

...В сентябре 1941 года, уже побывав в боях с фашистами, в Саратов прибыло Борисовское (Минской области Белоруссии) танковое училище, которое было размещено на углу улиц Московской и Степана Разина. Поскольку в Саратове к тому времени было два своих танковых училища, Борисовское училище стало именоваться так: «Саратовское танковое училище № 3».

В годы войны это училище готовило командиров лёгких танков и бронеавтомобилей.

За годы лихолетья через эвакуационные пункты Саратовской области прошло 820 тысяч человек, 307 тысяч из них были оставлены для проживания на территории области, в том числе 100 тысяч - в Саратове.

За первые месяцы войны наибольшее число беженцев было из Белоруссии.

А сколько на земле саратовской оказалось уже осиротевших малышей и подростков... Малышей и подростков, учащихся младших классов направляли в детские дома и детские сады. Четырнадцати – шестнадцатилетним тоже обеспечивался надёжный приют. Одних направляли на учёбу в школы ФЗО (фабрично-заводское обучение), в ремесленные и железнодорожные училища, других, с соответствующим социальным обеспечением, пристраивали к государственным предприятиям. А для чрезмерно ослабленных создавали при колхозах и совхозах специальные детские дома, рассчитанные на небольшое количество сирот. Один из таких детских домов был при пригородном колхозе имени К.Е. Ворошилова в рабочем посёлке Новые Бурасы, в который были определены подростки из Белоруссии.

Дети войны

Дети войны... Дети...

Их можно было встретить в огромных цехах на подставках у станков. И – с автоматом на передовой...

В фашистских концентрационных лагерях, среди узников, тоже дети. В их числе 1941, 1942, 1943-го годов рождения...

Для детей – даже специальные концлагеря, где узники содержались и с матерями, и без матерей. Удел каждого из них – ежедневно, ежечасно, ежесекундно – оставаться с глазу на глаз с остервеневшим фашистом...

Очень много детей беспризорных. Они – в поездах, на пароходах, вокзалах и рынках городов и сёл с торбочками и без. Они – и у дверей, и под окнами квартир и домов. На пропитание себе добывали не только подаями, но и грабежами. За ними сотрудники милиции «охотились». Пойманных детей свозили в приёмники-распределители, а уж оттуда путь один – в детские дома.

В детские дома направляли детей-сирот из партизанских отрядов, и воинских фронтовых частей.

В марте 1945 года в Саратов была доставлена группа подростков из концентрационного лагеря «Освенцим», среди которых были сестры Феня и Галя Селезнёвы, арестованные немцами в городе Полоцке Витебской области Белоруссии. Сестры воспитывались в Екатерининском детском доме.

Даже после окончания войны на улицах немецких городов находили беспризорных советских детей. Это были дети из числа недавних узников фашистских концентрационных лагерей. Одна из таких групп из 57 человек была доставлена в Саратов в апреле 1946 года. Подростки обнаружены на улицах Берлина и Франкфурта-на-Одере.

1945 год – завершающий год Великой Отечественной войны.

За месяц до праздничного салюта Победы, 2 апреля, на железнодорожный вокзал станции Саратов-1 прибыл необычный пассажирский поезд. Из Польши...

Военными во главе с представителем начальника тыла Красной Армии полковником Гапоновым были доставлены освобождённые Советской Армией из фашистского Лодзинского детского концентрационного лагеря (город Константинов) СТО ВОСЕМЬ малолетних детей и подростков, а с ними – и десять матерей.

Прибывших детей встречали сотрудники областного отдела народного образования (Облоно) Саратовского исполкома областного Совета депутатов трудящихся во главе с заведующей сектором детских домов Анастасией Исааковной Муромцевой. Прибытие детей в Саратов было официально оформлено «Актом передачи», где было указано: «Переданные дети – здоровы».

В числе прибывших весьма мал процент сирот-одиночек. В основном, группы из сестёр и братьев. По четверо братьев и сестёр прибыли: Козловы, Мироновы, Старовойтовы: по трое – Литвиновы, Мельниковы, Пономарчук, Трегубовы, Цыганковы...

Но дети, особенно малышки, были психически надломлены, с клеймом на тельце...

Детей и подростков, после кратковременного пребывания в Саратовском приёмнике-распределителе, разбив на группы от восьми до двенадцати человек, отправили по детским домам области.

Дети Белоруссии оказались в следующих детских домах: Алексеевском Базарно-Карабулакского района; Аткарском, Даниловском Аткарского района; Екатериновском; Новоузенском; Петровском; Пугачёвском; Свищевском Ртищевского района; Хвалынском детском доме № 3.

Бывшая заведующая учебной частью Екатериновского детского дома Лидия Семёновна Михалко вспоминает:

«Однажды в наш детский дом поступила группа детей, освобождённых советскими воинами из концлагеря. Их состояние, их вид приводили всех в содрогание. У всех мальчиков и девочек на руках были выжжены железным клеймом номера. Напуганные, подавленные, некоторые из них даже не могли говорить. При вопросе об имени и фамилии невнятно называли заученный под плётками фашистских надсмотрщиков номер-клеймо.

Сколько же человеческих сил, нежности, заботы, ласки, терпения пришлось нам приложить, чтобы вернуть их к радости жизни! И мы, наш дружный коллектив педагогов, нянечек, весь персонал детского дома трудился, не жалея ни сил, ни времени».

(из статьи «Эхо войны», Екатериновская районная газета «Слава труду»,
№ 115 от 24.09.1983 года)

Разумеется, у детей и подростков не было свидетельств о рождении. При направлении детей в детские дома, по халатности сотрудников Облоно, в препроводительном списке указывались лишь фамилии, имена, отчества и год рождения. И что прибыл из концентрационного лагеря (это уж так, на «всякий случай»). И – ни слова о месте рождения. А ведь к «Акту передачи» бывших узников Лодзинского детского концлагеря полковником Гапоновым был приобщён и список доставленных детей, в котором указывались точные данные места рождения каждого из прибывших. Эти данные – из «Дел», оформленных палачами Лодзинского детского концлагеря. Но и в этих документах месяцы и даты рождения детворы почему-то отсутствуют.

Не ведая об имеющихся записях в приложении к «Акту передачи», директора детских домов посылали запросы Правительству Белоруссии и получали в ответ извещения, что архивы госучреждений, в том числе и ЗАГСов, немцами уничтожены.

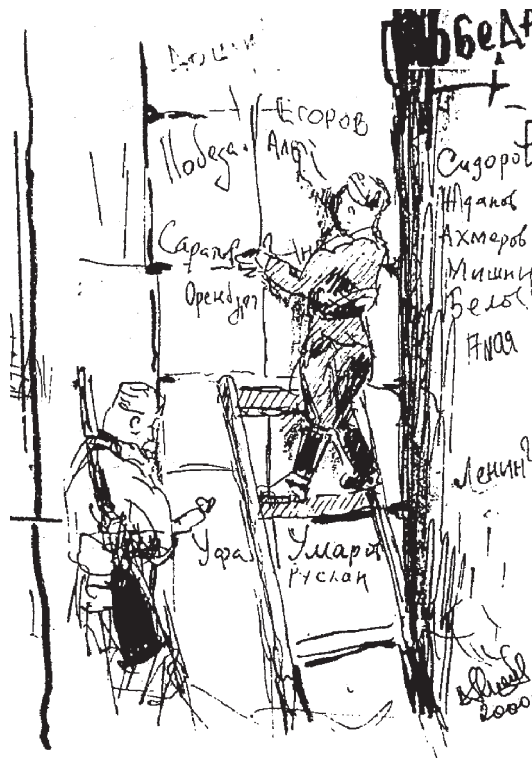
Директора детских домов, при подготовке документов для оформления новых свидетельств о рождении, местом рождения своих воспитанников указывали место дислокации детского дома. К примеру: «Саратовская область, Ртищевский район, деревня Свищево».

С того апрельского дня 1945 года прошло немало десятилетий, вот уже и новый век,

двадцать первый. И все эти годы «данные» директоров детских домов Саратовской области, по воле случая, попавшие в свидетельства о рождении детей Белоруссии, прошедших жернова фашистского концлагеря, а затем оказавшихся на земле саратовской, таят несправедливость.

Публикация списка детей Белоруссии, бывших узников Лодзинского детского концлагеря, оказавшихся на земле саратовской будет полезной тем кого, возможно, пока безуспешно разыскивают и кто доискивается до своего «Я».

ОСВОБОЖДЕННЫЕ УЗНИКИ ЛОДЗИНСКОГО ДЕТСКОГО КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ, ПРИБЫВШИЕ В САРАТОВ 2 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА

АНИСКЕВИЧ Зинаида Викторовна, 1937 г.р., урож. Минской обл., Борисовского р-на, д. Ступино.

АНИСКЕВИЧ Раиса Викторовна, 1936 г.р., урож. Минской обл., Борисовского района, д. Ступино.

БУДЬКО Вера Владимировна, 1936 г.р., урож. Минской обл., Борисовского р-на, д. Ступино.

ЗАБОРОВЦЕВА Галина Николаевна, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Лезнянского р-на, д. Артёмово.

ЗУЕВА Мария Сергеевна, 1935 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Селезёнки.

ЗУЕВА Татьяна Сергеевна, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Селезёнки.

КАЗАКЕВИЧ Евгений Иванович, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, Торфзавод.

КЛИМОВИЧ Владимир Петрович, 1938 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Кулакове.

КОЗЛОВ Иван Борисович, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Городецкого р-на, д. Левино.

КОЗЛОВ Пётр Борисович, 1932 г.р., урож. Витебской обл., Городецкого р-на, д. Левино.

КОЗЛОВА Надежда Борисовна, 1936 г.р., урож. Витебской обл., Городецкого р-на, д. Левино.

КОЗЛОВА Нина Борисовна, 1930 г.р., урож. Витебской обл., Городецкого р-на, д. Левино.

КОРОЛЕВ Николай Лукич, 1936 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Полоты.

КОРОЛЁВА Евгения Ивановна, 1940 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Полоты.

ЛАПИН Владимир Петрович, 1935 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Шихвоены.

ЛЕСНИЧЕНКО Мария Михайловна, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Курино.

ЛИБОВКИН Виктор Леонтьевич, 1938 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Кулаково.

ЛИБОВКИН Владимир Леонтьевич, 1938 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Кулакове.

ЛИТВИНОВА Лидия Григорьевна, 1930 г.р., урож. Витебской обл., Рассонского р-на, д. Крупец.

ЛИТВИНОВА Любовь Григорьевна, 1936 г.р., урож. Витебской обл., Рассонского р-на, д. Крупец.

ЛИТВИНОВА Таисия Григорьевна, 1936 г.р., урож. Витебской обл., Рассонского р-на, д. Крупец.

МАКСИМЕНКО Валентина Матвеевна, 1933 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Бенсен.

МАКСИМЕНКО Михаил Матвеевич, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Бенсен.

МЕЛЬНИКОВА Анна Васильевна, 1932 г.р., урож. Минской обл., Борисовского р-на, д. Малонегровичи.

МЕЛЬНИКОВА Екатерина Васильевна, 1931 г. р., урож. Минской обл., Борисовского р-на, д. Малонегровичи.

МЕЛЬНИКОВА Татьяна Васильевна, 1937 г.р., урож. Минской обл., Борисовского р-на, д. Малонегровичи.

МИЛЬЯНЦЕВА Нэлли Григорьевна, 1933 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Бенсен.

МИРОНОВ Владимир Дмитриевич, 1934 г. р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Максют.

МИРОНОВА Александра Дмитриевна, 1934 г. р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Максют.

МИРОНОВА Евгения Дмитриевна, 1937 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Максют.

МИРОНОВА Ксения Дмитриевна, 1932 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Максют.

МИХЕЕВА Зинаида Михайловна, 1932 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Лопатки.

МИХЕЕВА Надежда Михайловна, 1937 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Лопатки.

МИХОЛАН Григорий Савельевич, 1933 г.р., урож. Могилёвской обл., гор. Бобруйск.

МИХОЛАН Мария Савельевна, 1932 г.р., урож. Могилёвской обл., гор. Бобруйск.

МОИСЕЕНКО Александр Александрович, 1937 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Кулакове.

НИКОЛАЕВ Николай Филиппович, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, Куринский с/с., д. Мурашкино.

НИКОЛАЕВА Валентина Филипповна, 1937 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, Куринский с/с., д. Мурашкино.

ОСИПОВА Нэлли Павловна, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Клоповка.

ПЛОТАНЕНКО Надежда Андреевна, 1937 г.р., урож. Витебской обл., г. Орши.

ПЛОТАНЕНКО Надежда Ивановна, 1938 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, Куринского с/с, д. Мурашкино.

ПЛОТАНЕНКО Николай Андреевич, 1936 г.р., урож. Витебской обл., г. Орши.

ПОНОМАРЧУК Евгения Афанасьевна, 1933 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Тупиловичи.

ПОНОМАРЧУК Леонид Афанасьевич, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Тупиловичи.

ПОНОМАРЧУК Любовь Афанасьевна, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Тупиловичи.

РОЖНОВ Фёдор Терентьевич, 1938 г.р., урож. Витебской обл., Лезнянского р-на, д. Артёмово.

РОЖНОВА Евдокия Терентьевна, 1933 г.р., урож. Витебской обл., Лезнянского р-на, д. Артёмово.

РОМАНОВ Иван Васильевич, 1935 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д.Рудня.

РОМАНОВА Раиса Васильевна, 1938 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Рудня.

САВЕЛЬЕВ Иван Михайлович, 1936 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Пронино.

САВЕЛЬЕВА Нина Михайловна, 1933 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Пронино.

САВИНА Мария Владимировна, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Селезни.

САВИНА Татьяна Владимировна, 1934 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Селезни.

САМСОНОВА Тамара Владимировна, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Приволои.

СВЕТЧЕНКО Галина Герасимовна, 1938 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Суховская.

СВЕТЧЕНКО Лидия Герасимовна, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Суховская.

СЕМИРХАНОВ Геннадий Герасимович, 1935 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Мишко.

СТАРОВОЙТОВ Владимир Иванович, 1935 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Хомяково.

СТАРОВОЙТОВА Вера Александровна, 1938 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Хомяково.

СТАРОВОЙТОВА Вера Ивановна, 1938 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Хомяково.

СТАРОВОЙТОВА Галина Александровна, 1935 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Хомяково.

СТАРОВОЙТОВА Екатерина Ивановна, 1936 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Хомяково.

СТАРОВОЙТОВА Любовь Ивановна, 1934 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Хомяково.

СУКОНЧЕНКО Евгения Игнатьевна, 1937 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Хотеля.

СУКОНЧЕНКО Нина Игнатьевна, 1935 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Хотеля.

СУХОДОЛОВА Надежда Фёдоровна, 1936 г.р., урож. г. Витебска.

СУХОДОЛОВА Тамара Фёдоровна, 1939 г.р., урож. г. Витебска.

СЫСОЕВ Иван Васильевич, 1934 г.р., урож. Витебской обл., Городовского р-на, д. Кузьмине.

СЫСОЕВА Ирина Васильевна, 1933 г.р., урож. Витебской обл., Городовского р-на, д. Кузьмине.

ТЕТЕРКИН Василий Дмитриевич, 1934 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Островки.

ТЕТЕРКИНА Мария Дмитриевна, 1936 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Островки.

ТРЕТЬЯКОВ Игорь Сергеевич, 1936 г.р., урож. Могилёвской обл., Кировского р-на, д. Бобрусино.

ТРЕТЬЯКОВА Валентина Сергеевна, 1931 г.р., урож. Могилёвской обл., Кировского р-на, д. Бобрусино.

ТРЕТЬЯКОВА Нина Сергеевна, 1932 г.р., урож. Могилёвской обл., Кировского р-на, д. Бобрусино.

УРБАН Виктор Маркович, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, Линенского с/с, д. Ладыска.

УРБАН Геннадий Маркович, 1937 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, Линенского с/с, д. Ладыска.

ФЁДОРОВ Николай Захарович, 1935 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Шитики.

ФЁДОРОВА Евдокия Захаровна, 1933 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Шитики.

ЦЫГАНКОВ Василий Семёнович, 1938 г.р., урож. Витебской обл., Лезинского р-на, д. Холвери.

ЦЫГАНКОВ Виктор Семёнович, 1940 г.р., урож. Витебской обл., Лезинского р-на, д. Холвери.

ЦЫГАНКОВА Тамара Семёновна, 1935 г.р., урож. Витебской обл., Лезинского р-на, д. Холвери.

ЧИЖОВА Ефросинья Степановна, 1939 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Новол.

ЧИЖОВА Надежда Степановна, 1937 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Новол.

ЧУДАКОВ Павел Архипович, 1933 г.р., урож., Витебской обл., Суражского р-на, д. Бусиа.

ШНИКОВ Иван Прокофьевич, 1937 г.р., урож. Витебской обл., г. Полоцк.

ШНИКОВА Екатерина Прокофьевна, 1930 г.р., урож. Витебской обл., г. Полоцк.

ШУЛЁВ Петр Фёдорович, 1935 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Панизовка.

ШУЛЁВА Лидия Сергеевна, 1933 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Панизовка.

ШУЛЁВА Татьяна Фёдоровна, 1932 г.р., урож. Витебской обл., Суражского р-на, д. Панизовка.

[illegible]

(Из архива министерства образования
правительства Саратовской области.)
Фонд № 2215, 1941 г.

Выписка

из сопроводительной записки эвакуопункта
при железнодорожной станции Смоленска

Направляются в Саратов раненые при обстреле Смоленс-
кого железнодорожного узла, эвакуированные из Белоруссии
подростки:

1. *Маковская Надежда Степановна* — 10 лет, — потеряла мать
в пути.
2. *Горельник Леонид Михайлович* — 7 лет, — сопровождающие
погибли.
3. *Михетко Леонид Евгеньевич* — 12 лет, — мать убита при об-
стреле эшелона.
4. *Вольский Михаил Викторович* — 12 лет.
5. *Шевелёв Павел Игнатьевич* — 11 лет, — потерялся при об-
стреле Смоленского железнодорожного узла.
6. *Мальчик двух лет*, — неизвестен.

Подпись.

06.07.1941 г.

(Из архива министерства образования
правительства Саратовской области)

СПРАВКА

об эвакуированных детях, принятых без путёвок облоно
1 июля 1941 г. Балаковским школьным детским домом № 1

Фамилия, имя, отчество	Год, месяц рождения	В каком классе обучался	Откуда прибыл	Кого и где имеет из родственников и где они находятся	Примечание
Гуров Николай Васильевич	20.12. 1929 г.	4 кл.	д. Романы Белостокской обл.	отец — в дейст. Красной Армии, мать — потеряна в дороге	Документов нет
Малаченко Александра Васильевна	08.10. 1929 г.	3 кл.	г. Барановичи	отец — в дейст. Красной Армии, мать — убила при обстреле эшелона	Документов нет
Ушаев Николай Исидорович	02.04. 1930 г.	4 кл.	г. Минск	отец и мать в дейст. Красной Армии	Документов нет
Кулаков Алексей Петрович	10 лет	2 кл.	г. Сморгонь	отец — в дейст. Красной Армии, мать — потеряна в дороге	Документов нет
Кулаков Валентин Петрович	8 лет		г. Сморгонь	отец — в дейст. Красной Армии, мать — потеряна в дороге	Документов нет

Директор детского дома
26.07.41 г.
Примечание:
Об эвакуированных детях без сопровождающих такими
справками директора детских домов информировали сектор
детских домов при Саратовском облоно.

Баранова

Из архива Министерства образования
правительства Саратовской области.
Фонд № 2215, 1941 г.

АКТ

1941г., июля месяца, 28 дня.

Приёма-сдачи воспитанников
Могилёвского детского дома № 4

Саратовскому детскому дому № 1 «Красный городок»

ГРУППА № 1

Воспитатель Вербицкая

1. Деминенко Ваня	—1934 г.р.
2. Москалёв Егор	—1933 г.р.
3. Позняков Виктор	—1933 г.р.
4. Романов Леонид	—1933 г.р.
5. Яцкевич Раиса	—1933 г.р.
6. Красинская Лилия	—1933 г.р.
7. Гравич Мира	—1935 г.р.
8. Новикова Мария	—1933 г.р.
9. Денисенко Надежда	—1933 г.р.
10. Соловьёва Тамара	—1933 г.р.
11. Лавринович Евгения	—1933 г.р.
12. Маслейко Алексей	—1933 г.р.
13. Буяков Жорж	—1933 г.р.
14. Махов Иосиф	—1933 г.р.
15. Пручковский Михаил	—1933 г.р.
16. Надименко Толя	—1933 г.р.
17. Богданова Ева	—1933 г.р.
18. Ромашкевич Виктор	—1933 г.р.
19. Ермаков Алексей	—1933 г.р.
20. Ху-жу-сю Валентина	—1933 г.р.
21. Башлыкова Мария	—1933 г.р.
22. Андрейчик Владимир	—1933 г.р.
23. Головач Михаил	—1933 г.р.
24. Вочкова Надежда	—1928 г.р.
25. Шпаевич Сима	—1932 г.р.
26. Афанасьева Тома	—1933 г.р.
27. Рубинчик Оля	—1932 г.р.

ГРУППА № 2

Директор детдома Соркина

1. Анисевич Валентина	—1934 г.р.
2. Потеребкина Мария	—1934 г.р.
3. Целобенок Владимир	—1934 г.р.
4. Красев Варлаам	—1934 г.р.
5. Девгаль Надежда	—1934 г.р.
6. Торк Сева	—1934 г.р.
7. Гаврилов Петя	—1934 г.р.
8. Василевский Стас	—1934 г.р.
9. Дрозд Ольга	—1934 г.р.
10. Фильман Исаак	—1934 г.р.
11. Липов Аркадий	—1935 г.р.
12. Короткина Антонина	—1934 г.р.
13. Тянь-Сю Таисия	—1934 г.р.
14. Горланов Вася	—1934 г.р.
15. Шилов Леонид	—1934 г.р.
16. Рябов Михаил	—1934 г.р.
17. Шилов Эдуард	—1934 г.р.
18. Коханский Владимир	—1934 г.р.
19. Соловьёва Галина	—1934 г.р.
20. Зборовский Леонид	—1934 г.р.
21. Позняков Виктор	—1934 г.р.

ГРУППА № 4

Воспитатель Чернисина

1. Владимиров Владимир	—1935 г.р.
2. Апрельская Майя	—1935 г.р.
3. Цыбин Владимир	—1937 г.р.
4. Соловьёв Александр	—1937 г.р.
5. Новикова Раиса	—1935 г.р.
6. Сайкина Лидя	—1935 г.р.
7. Войтов Григорий	—1934 г.р.
8. Васшарамов Григорий	—1936 г.р.
9. Шатров Сергей	—1935 г.р.
10. Лепина Галина	—1934 г.р.
11. Лукашова Люба	—1936 г.р.
12. Миткина Екатерина	—1936 г.р.
13. Антонецкий Варвара	—1936 г.р.
14. Шарыпов Алексей	—1936 г.р.
15. Новицкая Розалия	—1936 г.р.
16. Яроцкий Виктор	—1936 г.р.
17. Ивонин Геннадий	—1935 г.р.
18. Круглова Ирина	—1935 г.р.
19. Куртик Эмма	—1935 г.р.
20. Маслейко Пелагея	—1935 г.р.
21. Горкин Лейба	—1935 г.р.
22. Рудницкая Ефросинья	—1937 г.р.
23. Познякова Тамара	—1937 г.р.
24. Ковалёв Евгений	—1935 г.р.
25. Авдеев Анатолий	—1935 г.р.

ГРУППА № 5

Дети сотрудников

1. Пристава Алла	—4 года
2. Прусакова Алла	—5 лет
3. Владимиров Эдуард	—2 года
4. Байдюков Виктор	—6 лет
5. Байдюкова Ира	—2 года
6. Жуков Владимир	—5 лет
7. Липский Феликс	—13 лет
8. Жукова Лидя	—8 лет
9. Липская Инна	—9 лет
10. Липский Марик	—4 года

Сдала: Соркина (подпись)

Приняла: Григорьева (подпись)

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШИХ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ ГОРОДА САРАТОВА И ОБЛАСТИ

Пароход, на котором во время войны эвакуированных детей доставляли из Саратова в Хвалынский

ГАЛЯ СОКОЛОВА (АХРАМОВИЧ)

В 1941 году было 12 лет.

Г. И. Соколова (Ахрамович) в Хвалынском детском доме №1 оказалась с группой детей-минчан из пионерского лагеря «Ратомка».

В детском доме, участвуя в художественной самодеятельности, пела народные белорусские песни.

Летом 1944 года её готовили к отправке из Хвалынска в Саратов, в ремесленное училище, но 3 июля, узнав из сообщения по радио об освобождении от фашистов Минска, в тот же день сбежала из детдома.

До ухода на пенсию работала в Минске, в секретариате Президиума Верховного Совета Белоруссии.

«Июнь 1941-го. Подходила к концу первая смена в пионерском лагере «Ратомка» под Минском. Всё было хорошо: пекли бульбу в костре, пели любимые песни, ходили в походы. Но и тревога была: о возможно предстоящей войне, — нет-нет, хотя

и осторожно, но говорили, хоть эта тема считалась тогда и запретной. Взрослые очень старались отвлечь нас от подобных мыслей.

В воскресенье 22 июня я проснулась, как многие мальчишки и девчонки и взрос-

лые, задолго до подъёма, от какого-то немыслимого гула. Вышли из дач и со страхом подняли головы к небу. А небо – в чёрных крестах самолётов.

Удивительно, никакой истерики, будто это явление не наяву, а в кино. О войне догадывались, но чтоб вот так... Всё, что случилось – нежданно-негаданно – кто же мог разуместь, что это и есть начало изнурительной и долгой войны!

Детская спальня в помещении дома отдыха «Просвещенец» детского дома №7. г. Хвалынский. Лето 1941 года.

Этот и следующий день были днями ужаса и смятения. И вблизи и вдали – пожары.

Начальник «Ратомки» принял решение эвакуировать пионерлагерь, но сам, попрощавшись с нами, заявил, что пристроится к бойцам находящейся по соседству с нами воинской части, чтоб защитить от врага Минск. За себя он оставил своего заместителя, которого мы звали дядей Монею.

Это уже был вечер 23 июня, второй день войны.

Со страхом, то и дело, смотря на небо, где в любую минуту снова могли показаться фашистские самолёты, мы, наспех прихватив часть постельного белья и про-

дуктов питания, то есть то, что в силах были унести, оставили пионерлагерь, нашу дорожку «Ратомку». Будто по раскалённой тропе мы шли по такой знакомой тропинке, пока ещё окаймлённой васильками и ромашками. Брели к железнодорожной станции. А на железнодорожной станции нас никто не ждал. Однако повезло: вагонам, хотя и товарным, были рады. Разместились без суеты.

Отправления долго ждать не пришлось. Вагоны с каким-то странным скрипом тронулись. Ехали медленно, с частыми, порой длительными остановками. От «Ратомки» до Минска всего-то примерно двадцать километров, но ехали вечер, ночь... Измученные, наконец-то добрались до Минска, и увидели – город в огне пожаров... Кое-кто, при подъезде к Минску, намеревался спрыгнуть, но, увидев громадное пламя пожаров, поостыл. У вокзала почему-то простояли до утра. Едва наступил рассвет, оказались под бомбёжкой. Началась паника. Если бы не дядя Моня, наш начальник, сказать не берусь, чем бы могла закончиться паника. Дядя Моня сумел всех успокоить. Он заставил всех лечь на пол и резко оборвал свою жену, истерично кричавшую: «Тебя на всех не хватит, нужно и о себе думать!..» Потом, когда всё стихло, он размышлял вслух: «Конечно, при бомбёжке из вагонов лучше бы выскакивать, но ведь в такой суматохе недолго и детей растерять...»

Я всегда с уважением относилась к дяде Моне, а после этого случая он стал ещё ближе.

До остановки в тихом городе Хвалынске на Саратовщине было ещё десять суток, долгих-предолгих дней и ночей голода, холода, страха...

В детдоме, несмотря на все тяготы, я была жизнерадостной, все делала с хорошим настроением, из-за разных неприятностей не ныла. Училась, работала в интернате и в подшефном колхозе, куда за километры ходили пешком. Верила в победу нашей Красной Армии.

Наиболее памятно 3 июля 1944 года, день освобождения родного Минска от фашистских захватчиков. Радость огромная! Глядим на репродуктор, слушаем, обнимаемся, друг с другом целуемся, и с криком «Ура!» – салютуем, бросая вверх подушки.

Мне посчастливилось разыскать своих родителей и младшего брата. Они жили

в Москве. Так случилось, что нас, старших по возрасту, готовили к отправке в Саратов, в ремесленное училище, а тут – такая радость: освобождён Минск!.. Сбежала из детдома. Приехала в Москву, встреча с мамой, папой, братишкой!.. Радость неописуемая...

Пробыла с родителями и братом дня два-три, и так потянуло на Родину, что, не раздумывая, объявила: еду в Минск!

Тут пошли уговоры, мол, ты ещё несовершеннолетняя, город разбит, кто тебя там ждёт, где приткнёшься?..

Я на своём – без Минска не могу. Еду!»

КЛАВА ТРЕНИНА (ЛАПЕКО)

В 1941 году было 12 лет.

Белоруска К. И. Тренина (Лапеко) — на земле саратовской с июля 1941 года. До 1947 года воспитывалась в детском доме №2 города Вольска.

В течение 40 лет, с 1949 по 1999 годы, учительствовала в Урусовской сельской школе Ртищевского района Саратовской области.

Уйдя на пенсию, осталась жить в Урусово.

«...Сиротой я стала ещё до начала войны, воспитывалась в Кохановском детском доме Толочинского района Витебской области Белоруссии.

Четыре дня войны мы оставались в детдоме. 26 июня 1941 года вместе с другими детдомовцами я была отправлена в эвакуацию, посадили нас на обычные грузовые железнодорожные платформы и повезли в город Оршу. Проехали километров двадцать, и вдруг... фашистские самолёты. Стали бомбить. Многие погибли. Оставшихся ребят собрала воспитательни-

ца тётя Надя, и с ней мы пошли до Орши пешком.

Остальные воспитатели, бросив нас, вернулись в Коханово.

Добрались до Орши и промучились на железнодорожном вокзале двое суток, а потом в санитарном поезде нас отправили до Витебска. Там нас накормили, и снова в путь, в Россию, в город на Волге Калинин.

И эта дорога тоже была тяжёлой и трагической, – несколько раз бомбили, – приходилось то идти пешком, то ехать.

Питались подаванием у жителей деревень.

В длинном изнурительном пути от страшного голода мы потеряли ещё несколько человек.

В Калинин нас встретили, накормили, посадили на баржу и отправили по Волге в Саратов.

Поездка по Волге совсем иное: про-

стор, не слышно гула вражеских самолётов и взрывов бомб.

Из Саратова нашу Кохановскую группу в полном составе направили в детский дом № 2 города Вольска. В детском доме я пробыла шесть лет, окончив за эти годы десятилетку и поступив в том же городе в Учительский институт».

СЕМЁН КАЦМАН

В 1941 году было 12 лет.

С. Е. Кацман был эвакуирован в Саратов с группой воспитанников Могилёвского детского дома №4. После войны вернулся в Белоруссию. Потом учился в Московском университете им. М.В. Ломоносова, чтобы тридцать лет отдать служению педагогике в родной Белоруссии.

«Мой отец до войны работал директором Могилёвского детского дома №4, и мы всей семьёй жили при детдоме. Нас в семье было четверо мальчиков: я – старший, а младшему – полтора годика.

По соседству с детдомом располагался артиллерийский полк.

Было так хорошо!..

И вот – 22 июня 1941 года. Отец пошёл в военкомат, вернулся в военной форме, с двумя кубиками в петлицах. Воевать ему предстояло в составе нашего подшефного артполка. Он организовал переезд детдома в деревню Махово, это примерно в двадцати километрах от Могилёва, далеко от железной дороги, а потом передал дела воспитателю Соркиной. Почему-то он думал, что война будет короткой, и что детей на время надо лишь отвести подальше от железной дороги.

В Махово жизнь оказалась сплошным

кошмаром. Нас неоднократно обстреливали с самолётов. К счастью, из отцовской воинской части вскоре прибыло несколько грузовых машин, и детдом был вывезен.

Возглавила нашу эвакуацию директор Соркина. Когда детвору сажали в машины, то в целях маскировки вручили каждому по пушистой зелёной веточке и велели веточку держать над головой. Такая маскировка, видимо, была ненадёжной, ибо фашистские самолёты несколько раз охотились за нами.

Привезли нас в город Климовичи и разместили в школе. Потом в школу привезли с фронта раненых. Помню их – искалеченных и перебинтованных... Детей посадили в санитарный эшелон, на котором прибыли раненые, и – в путь...

Запомнилось, как на станции Орёл, куда нас привезли, скопилось много эшелонов – гражданских и военных. И вдруг,

со стороны поля, на бреющем полёте появились фашистские стервятники... Страшно вспоминать, – горящие вагоны, убитые, раненые, крики, стоны...

Эта кошмарная Одиссея с эвакуацией

закончилась лишь в конце июля 1941-го, когда нас, прибывших в Саратов, определили в детский дом «Красный городок».

Для меня и моих братишек началась совершенно иная жизнь – сиротская».

ОЛЬГА ПОЗНЯК

В 1941 году было 10 лет.

О. А. Позняк 3 июля 1941 года в группе детей санаторного детского лагеря «Ратомка» Минской области прибыла в г. Хвалынский. Воспитывалась в детском доме №1.

В 1947 г. вернулась в Минск. Окончила медицинский институт. Десятки лет работала зав. отделением 7-й детской клинической больницы Минска.

За достигнутые успехи в работе награждена орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть».

«...В июле сорок первого в Хвалынске было тихо и красиво, а нам, эвакуированным подросткам, не до покоя и не до игр. Уж слишком одолевала тоска по родным и близким, оставшимся в родной Белоруссии. Где они? Живы ли? Долго ли длиться этой ужасной войне?

По приезду в Хвалынский я поначалу оказалась с группой минчан в Третьем Черемшане. Помню, мы, девочки, скупились в кружок и плачем. Были почему-то убеждены, что все родные погибли, и что больше никогда не вернёмся в Минск. А зачем же тогда жить? Но пришла воспитательница, погладила нас по головкам и долго-долго уговаривала не поддаваться унынию. Говорила: «Подождать надо, вот прогонят фашистов, и все вернёмся в родные края. Но чтобы это случилось, надо помогать Красной Армии, фронту и, главное, хорошо учиться».

Через месяц нас из Черемшан пере-

вели в детский дом. Почти до самого начала нового учебного года остро стоял вопрос: пойдём ли в школу, так как не было ни учебников, ни письменных принадлежностей, да и с одеждой – проблемы. Но 1 сентября 1941 года свершилось чудо!.. В школу пошли строем, с сумками и полевыми цветами в руках...

Несмотря на лишения, мы старались во всём: в учёбе, в труде на колхозных полях и в детдоме – особенно в изготовлении посылок для фронтовиков.

Я была в то время неработоспособной. Донимал позвоночник. И я старалась, чтобы никому не быть обузой. Училась только на отлично, расшивала для фронтовиков кисеты, вязала носки и рукавицы. Вышивкой я занималась и дома, а вот вязать научилась в детдоме.

На работы в колхоз меня не брали. А так хотелось!.. Возвращаясь с полей, ребята

рассказывали много интересного: то видели лисицу, зайца, то, как заливая норку водой, выманивали наружу суслика. Но, главное, работая на колхозных полях, по-настоящему помогали фронту. Однажды, провожая ребят в колхоз, стояла и плакала. Тут меня обняла Клава Полякович и говорит: «Оля, не плачь, я за тебя и за себя поработаю».

Спустя неделю, вернувшись в детдом, Клава вновь обняла меня и сказала с какой-то особой улыбкой: «Поработала и за тебя, Олечка», — показала ладони, а ладони — с множеством кровоподтёков и ссадин...

Проведённые в Хвалынске годы небываемы. Во многом, это связано с болезнью. Я и в Минске была больной, но эваку-

ация усугубила моё положение. Немалую часть времени, особенно в 1941-м году, я проводила то в детдомовском изоляторе, то в городской больнице. Донимал позвончик. Отнялись ноги. Лечили меня не только врачи. Горожане приносили готовые для лечебных процедур настои целебных трав, которые я пила, и делала примочки и натирания. Однажды почувствовала: сильно болели пятки — начали оживать...

Вот так и вылечилась.

Спустя десятилетия, на встречи сирот войны я приезжала в Хвалынск с каким-то особым непередаваемым волнением, — ведь, наряду с Минском, и этот город — моя Родина».

АРКАДИЙ ВОЛЬСКИЙ

В 1941 году было 9 лет.

А. И. Вольский прибыл в Саратов 29 июня 1941 года с группой детворы из западных районов Белоруссии. 2 июля 1941 года направлен в Хвалынск, определён сначала в детский дом №3, а спустя год, переведён в детский дом №7.

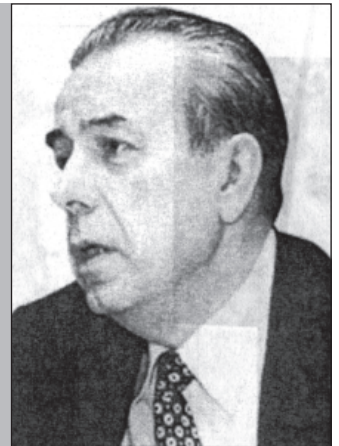
В июне 1944 года его разыскали родители.

Окончив школу-десятилетку в родной Белоруссии, переехал на жительство в Москву, и поступил на учёбу в Институт стали.

По окончании учёбы в институте, 15 лет (1955-1970 годы) работал на автозаводе им. Сталина (ныне — ЗИЛ). За эти годы он достиг вершин не только организатора производства, но и житейской мудрости. По достоинству и высокие награды — медаль Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ) СССР, Государственная премия СССР и продвижение по службе от мастера литейного цеха до секретаря парткома завода.

Далее перевод на работу в аппарат Центрального Комитета Компартии Советского Союза. Весом его вклад в строительство гигантов промышленности: КамАЗа и Атоммаша.

За заслуги перед Родиной награждён тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской Революции, медалями.

А.И. Вольский — академик ряда российских и зарубежных академий.

В трагические годы распада Советского Союза, смены общественно-экономической формации и развала экономики России он не изменил гражданской позиции, верой и правдой продолжал служить Отечеству. Был: членом Конституционной Комиссии РФ; председателем Комиссии по политической стабильности Общественной палаты при Президенте РФ...

А.И. Вольский создал и возглавлял Российский Союз промышленников и предпринимателей (РСПП), который перерос границы России и даже границы бывшего Советского Союза, объединив представителей более двадцати государств.

Несмотря на огромную занятость Аркадия Ивановича, в течение многих лет он находил время для материальной и моральной поддержки сотрудников и воспитанников ставшего ему родным детского дома в г. Хвалынске на земле саратовской.

«...Родился я 15 мая 1932 года в Белоруссии, в городе Добруш Гомельской области. Войну встретил в г. Белостоке, ныне принадлежащем Польше, а в сорок первом это был один из областных центров Белоруссии.

В Белосток я с родителями переехал в начале сорок первого. Переезд был связан с назначением мамы заведующей городским отделом народного образования.

Война ворвалась в моё детское сознание внезапно, с первого её часа, в четыре утра 22 июня сорок первого. От странного шума проснулись всей семьёй разом и поспешили на улицу. Поначалу было так интересно: в утренней дымке, в разных местах города то и дело блистали зелёные вспышки залпов. Радуюсь вспышкам, думали, наверное, наши войска проводят приближённые к боевым действиям маневры. Вот только не могли понять, почему бомбы падают прямо в городе.

???..

С тревогой вернулись в дом... Снова — на улицу. Картина представилась ужасной, худшего и не придумать: значительная часть

города — в огнях пожара. Стало ясней ясно-го: бомбили немцы. Война...

Всё дальнейшее — будто кадр за кадром в кинокартине...

С годами многое забылось. Запомнились автомашины с фанерными будками в кузовах. Погрузка детворы. Сели и несколько взрослых.

Родители проводили меня...

Спустя годы, узнал: отец оказался в одной из воинских частей и солдатом протопал по дорогам войны, до её конца, до сорок пятого. Мать осталась на территории Западной Белоруссии, а потом — пешком добралась до восточных областей и ушла в партизаны. Закончила войну в штабе партизанского движения.

...На машинах поехали в сторону Минска. В город не стали въезжать: было опасно, и там всюду полыхали пожары. Поехали дальше. Известно, дорога военная — туманная и полная таинств... Откуда едем? — от врага. А куда путь держим? — На восток...

Поначалу и голода не ощущали. Страх преобладал над всем остальным.

Ехать бы поскорей, подальше от бом-

бёжек, но по дороге не шибко-то разгонишься. Порою из-за возникших заторов пробирались едва-едва. То – маршевые колонны военных, то – машины, повозки, толпы беженцев... Случались и продолжительные вынужденные остановки из-за приближения немецких самолётов или из-за поиска бензина для заправки машин. Если остановка была у деревни, стучались в окна ближайших домов, просили подаяние.

При налётах немецких самолётов выскакивали из машин и бросались на землю. Ну, а если неподалеку лес, – сломя голову бежали туда...

Где-то за Оршой остались без машин... Помытарились, но всё же повезло, пересели на поезд, разумеется, не пассажирский. Поездом добрались до Саратова. На эвакопункте при железнодорожном вокзале нас приняли страшно измождённых. Покормили, и – кого куда...

В первых числах июля я оказался в

Хвалынске, в детском доме №3, а спустя год меня перевели в детский дом №7, в котором была детвора, тоже эвакуированная из Белоруссии.

В Хвалынске не гремели бои, не гибли люди. Но городок жил войной. В детские дома изо дня в день поступали сироты, а в госпитали – раненые солдаты и офицеры...

Хвалы́нск – очень милый городок. Весной – особенно хорош в белой кипени садов. Волга-река, красавцы-пароходы... Баржи... чайки над водой... Запомнилась помощь фронту: вязали варежки, носки, шили и расшивали кисеты. Приходилось работать и на заготовке дров. Для пацанов – работа не из лёгких, но – справлялись...

Я, как и многие детдомовцы, ощущал себя сиротой, но летом 1944-го случилось невероятное, в детдом приехала мама.

Перед Хвалынском я благоговею, и по сей день считаю его своей второй Родиной. В этом старинном приволжском городке я пережил войну».

СВЕТА СТЕБЛИНА (ЖУРАВЛЁВА)

В 1941 году было 6 лет.

С. С. Стеблина (Журавлёва) – бежала из Минска в июне 1941 года. Воспитывалась в Хвалынском детском доме №4, откуда в 1942 году была взята на воспитание. Училась в Саратовском ремесленном училище, получила профессию водителя трамвая. В Саратове вышла замуж; и переехала на жительство в Уфу. Участница всех встреч белорусских сирот: в Хвалынске (1980, 1982 гг.) и в Минске (1981 г.)

«Отец в первый же день войны был призван в Армию. В Минске – бесконечные бомбёжки, – было ясно, что в городе оставаться нельзя. Я, мама и тётя, мамина сестра, собрались в дорогу. На второй или третий день вой-

ны, каким-то чудом, на горе своё, втолкнулись в товарный вагон, набитый минчанами. Ехать пришлось недолго. Фашисты нас и в дороге достали. Бомбёжка... Мамину сестру убило... Благо, лес оказался неподалёку, и многие из

уцелевших бросились к лесу. С мамой побрели лесной дорогой. Тут — две повозки. Люди добрые взяли нас с собой. И — опять беда... Фашист и здесь достал. Бомбёжка — и убита мама.

На этом, в шесть прожитых лет, моё детство закончилось.

Меня подобрали чужие люди, втолкнули в товарный вагон, и я снова поехала, а куда — не имело значения.

В числе большой группы бежавших из Белоруссии я оказалась в Саратове. На эвакопункте, что был на железнодорожном вокзале, принимавшая меня женщина, выслушав мой рассказ, расплакалась, а я ей сказала: «Тётя, ну что зря плакать, я спать хочу».

Определили меня в детский дом «Красный городок». Пробыла там недолго, и —

снова в путь: препроводили в Хвалынский, в детский дом №4.

Запомнился первый день пребывания в детдоме. Ужин. Дали пшённую кашу. Попробовала, не понравилась. Мне показалась каша перегорелой, я — в рёв. Убрали от меня тарелку с кашей, а взамен подали в жестяной кружке — несладкий чай...

Спустя год покинула детдом, оказалась приёмной дочерью местной горожанки, фамилию которой называть не хочется. При мне была фотография мамы, приёмная мать порвала фотографию. Что не так, грубила. Стало особенно не по себе, когда однажды та заявила, что взяла меня из детдома только из-за того, чтобы не ходить по трудовой повинности на работы оборонных объектов.

Кое-как прожила у неё до окончания шестого класса... и распрощалась».

Н.А. КОРОЛЁВА

В 1941 году спасла шестьдесят детсадовских малышей, доставив их из Белоруссии на землю саратовскую.

Наталья Алексеевна Королёва до войны работала воспитателем в детском саду №65 в г. Минске.

В конце мая 1941 года, в соответствии с программой «Летней оздоровительной кампании», детский сад выехал на дачу в посёлок Ратомка Минской области. В этом посёлке и застала детей война.

Так случилось, что в первый день войны заведующая садиком, поставив в известность воспитателей, уехала в Минск за разрешением вдруг возникших проблем, и — пропала. Н.А. Королёва, взяв на себя ответственность за спасение детей, в труднейших условиях войны организовала вывоз детсадовской детворы из Белоруссии.

После долгих и изнурительных восемнадцати (!) дней и ночей, без единой потери, она доставила детей в город Хвалынский Саратовской области, где дети были определены в детский дом №7.

«Вся моя производственная деятельность — работа с детьми в детском саду. До и после войны в родной Белоруссии и в Хвалынском детском доме Саратовской области с 1941 по 1944 годы.

Накануне войны мне было двадцать девять лет, я не была замужем. Работала воспитателем в детском саду №65. Когда началась война, я с детским садом находилась в Ратомке, недалеко от Минска. Думалось: приедут родители, разберут детей, вернусь к маме и решим, что делать?.. Но случилось непредвиденное: узнав от одного из родителей о начале войны, заведующая садиком Г. Л. Альтман тотчас уехала в Минск за «инструкциями»: что делать с садиком? Уехала, и — не вернулась. А с нами в Ратомке были и её трое детей.

В полдень первого дня войны, при налёте фашистской авиации, была сожжена дача. Спустя два часа после бомбёжки приехали родители, человек десять. Восемь родителей забрали своих детей, а двое... сказали, что уходят в Армию на защиту Белоруссии, выразив надежду, что их дети будут спасены.

Детей осталось — пятьдесят девять. Позже, в пути, прибавился ещё один, — мальчонка четырёх лет.

Во имя спасения детей, которые в одночасье оказались у последней черты, пришлось остаться, и не только остаться, а взять на себя ответственность за судьбу детей.

Дача — сожжена. Продуктов питания нет. Над нами с угрожающим скрежетом то и дело пролетали армады самолётов с пугающими нас чёрными крестами на крыльях. Мимо нас, к Минску. Небо становилось свинцовым и таким тяжелым, что казалось: вот оно рухнет. Дети прятались в лесу, а я,

*Воспитатели Минского детского сада №65
Королева Наталья Алексеевна (справа)
и Кондякова Александра Ивановна.
1941 г. (до начала войны)*

преодолевая страх, порою забиралась на высоченный дуб и смотрела на родной Минск с горечью. Казалось, весь Минск в пожарах.

Кроме меня с детьми оставались: воспитательница Александра Ивановна Кондякова, повар Вера Сергеевна Кручонок и няни — несовершеннолетние девчонки Варя Радюк и Маша Далидович.

О, Господи! Взяла на себя ответственность, всем об этом объявила, а что делать — не знала. Пока ясно было одно: в Минск возвращаться нельзя. Лес — вот он, рядышком, в нём от самолётов можно скрываться, но — как долго? Чем кормить детей? На чём спать?.. Дети... Малышки, а взгляды такие, что чувствуешь их спиной, даже в кратковременной дреме.

Сотрудников разослала — кого куда: Александрю Ивановну — на железнодорожную станцию, чтобы узнать, когда можно подойти, чтобы уехать поездом; нянечек — в деревню Ратомка за продуктами питания и бельём для постелей; повара — в воинские части, коих объявилось в округе немало.

Кое в чём помогли сельчане, кое в чём – военные. Начальник станции обещал помочь, просил подождать, но говорил как-то неопределенно: «попробуем, подумаем...»

В лесу у разбитой дачи провели четыре дня и три ночи. Дети меня поражали. Вдруг – все так повзрослели, поумнели, стали очень серьезными, никаких капризов. И это притом, что было и голодно, и холодно, и, шутка ли, приходилось дневать и ночевать в лесу... А тут ещё – скрежеты по небу тяжелых фашистских самолётов...

На четвёртые сутки случилось два события, которые заставили действовать решительно.

Утром стоим с ребяташками у леса, вдруг... идёт колонна красноармейцев. До этого мимо нас проходили – проезжали только беженцы: пешие, на повозках... А тут – военные!..

Красноармейцы торопились. Было видно, что шли издалека. Многие на ходу из котелков глотали воду, обтирали шеи, лица. Когда военные поравнялись с нами, раздались крики: Дочки! Папа! Па! Дочки!

Красноармейцы остановились.

Громко плакали и кричали Аня и Соня Вольминские. Плакал и их отец, выскочивший из строя.

Я неоднократно встречалась с отцом сестёр Вольминских. Бывал он и в детском саду, навещался и в Ратомку. Но в солдатской форме – он неузнаваем. Армейская форма ему была явно не к лицу, висела на нём.

Отец схватил на руки дочурок (Анечке – три года, а Соне – семь), прижал их к себе и целовал, целовал и, прощаясь, стоял:

– Прощайте, прощайте, родненькие.

Из солдатского строя тоже слышался стон, и тут же грянула команда:

– Шагом марш!

Строй колыхнулся и двинулся дальше.

– Берегите! Пожалуйста, сберегите малышей! – крикнул отец сестёр Вольминских. Взглянул на меня, и, поддерживая одной рукой висевшую за спиной винтовку, он побежал вдогонку за строем...

...Несколько часов спустя, верхом на лошадях – военные. Проскакали мимо, сбились в кучу, о чём-то меж собой переговори, вернулись и подъехали к нам.

– Почему здесь дети! – крикнул один из всадников. Кто старший? Ко мне!

Стало не по себе, но – представилась.

– Завтра здесь будем окапываться. Немедленно уходите, ясно? Это – приказ! Сказано было твёрдо и решительно.

Всадники скрылись.

– Строиться! – не своим голосом крикнула я.

Мои дорогие взрослые «лилипуты» будто давно ждали этой команды, сбежались и без суеты построились по двое. Взяли с собой лишь то, что было под силу: кое-что из постелей да крохи из оставшихся продуктов, подаренных военными. И – в путь...

До железнодорожной станции – километра два-три, в основном, спуск с горы. На пути – протока, а через протоку – бревно. Многие ребяташки проходили по бревну сами, а малышей и тех, кто боялся вступить на бревно, пришлось переносить на руках.

В пути приходилось следить не только за ребятнёй, но и за небом. При приближении самолётов, по моей команде, бро-

сались на землю. Земля, слава Богу, была тёплой, травка мягкой.

На станции, неожиданно для меня, возникли проблемы. Эшелон, в основном из крытых товарных вагонов, готовился к отправлению. Было очень много военных (на открытые платформы затаскивали пушки, машины) и тотчас маскировали.

Вагоны – товарные, и то бы ладно. А куда ж деваться?..

Начальник станции – немолодой мужчина при форме – встретил нас без сострадания. Был сух:

– Извините, свободных вагонов нет.

Ужас!.. Возникла реальная угроза остаться. Я – вне себя. Тут и ребятишки, предчувствуя страшное, тоже – в смятении. Взорвались ребятишки ревом, да таким, что, наверное, и станция задрожала. Во всяком случае, мне показалось, что станция стала покачиваться, и от того было страшнее.

Ревели все – и мальчишки, и девчонки, и даже взрослые. И я не стеснялась слёз.

Начальник станции слушать меня отказывался, он уже держал в зубах свисток. Казалось, ещё минута, и – всё.

В отчаянии я выдернула у железнодорожника свисток, кричу:

– Сажай нас! Дети! Пятьдесят девять!

Он – с матом ко мне, пытается отнять свисток. Изо всех сил сопротивляюсь.

Подлец! – кричу, – обещал ведь!

– Что ж, прикажешь задержать военных, а тебя отправить?

– Чёрт безмозглый, – кричу и я. – А дети! Куда их!? – И не отдаю свисток.

Чем бы всё закончилось, не знаю, но тут подбежали красноармейцы. Один из них сгрёб железнодорожника вместе с мундиром и форменной фуражкой, и, чуть при-

подняв его, прохрипел: Начальник, четвёртый и пятый – свободны. Сажай детвору!

Начальник станции истерично оправдывался: – Эти вагоны не велено заполнять. Их ждут в Минске.

– Сажай детвору, – вновь прохрипел солдат.

И начальник станции сдался. Выругавшись, махнул рукой: – А! Хрен бы с ним, с приказом. Сажайте. Я вернула свисток...

Из взрослых лишь нянечка Варя Радюк отказалась ехать.

– Простите, Наталья Алексеевна, – в слезах говорила она. – Не смогу уехать, останусь с мамой.

Но до самого отправления эшелона Варя не отходила, вместе с красноармейцами рвала траву и охапками бросала то в один, то в другой вагон. Она, Варя, сказала красноармейцам, что дети голодные и что продуктов нет. Красноармейцы притащили по мешку сухарей в каждый вагон и по ведру воды...

В пути было немало драматического.

Запомнился обстрел эшелона. Нам повезло – в вагоне лишь несколько пробоин от пуль. Никого не задело. А вот один из вагонов, в котором находились военные, загорелся. Там оказались убитые и раненые.

Из-за пожара пришлось стоять долго. На время стоянки вывели детей в лес...

Запомнилось и появление у нас шестидесятого ребёнка.

Остановка. Название станции не помню. К вагону подошла группа военных. На руках одного из них сидел зарёванный малыш.

– Кто здесь за командира? – спросил красноармеец с малышом на руках. Я ото- звалась.

– Возьмите-ка моего друга, – красноармеец протянул мне малыша-рёву.

– Запишите, пожалуйста, это – Николай Михайлович Ромашкин, от роду... четыре года.

– Спасибо, спасибо, я запомню.

Малыш не сопротивлялся, наверное, выбился из сил, но продолжал реветь, приговаривая:

– Зачем от мамы взяли? К маме хочу...

– Простите, командир, – сказал всё тот же красноармеец, вынув из кармана галифе маленький блокнотик и огрызок карандаша, – а вас-то как звать-величать?

– Записывайте, Наталья Алексеевна Королёва. Не беспокойтесь, сберегу. – И тут, как-то нерешительно обмолвилась, – а у нас кушать нечего.

Солдаты убежали и вскоре приволокли мешок с печеньем и с десяток банок говяжьей тушёнки.

Подозвала к себе Александру Иванову и добычей поделилась с группой в её вагоне.

Красноармейцы не отходили от нас.

– Для сведения, – обратился ко мне тот, что передал Колю, – мальчишку нашли в лесу около убитой матери и мёртвого грудного ребёнка. Не забудьте, пожалуйста, напоминаю ещё раз, Николай Михайлович Ромашкин...

Особо запомнился случай, который произошёл, когда ещё ехали по Белоруссии.

Ночь... Поезд, в который уже раз вздрогнул и резко сбавил ход.

Двери нашего вагона раскрылись широко, и на ходу в вагон друг за другом заскочили несколько мужчин, с тяжёлыми

вещмешками. Один из них уже с вагона кому-то махнул рукой.

Зажглись несколько карманных фонариков и стали освещать вагон. И тут я заметила, что «гости» одеты в милицейскую форму. Лишь у одного – два кубика в петлицах на гимнастёрке. Это он, выглядывая в проём двери, махнул кому-то рукой. Обернувшись, он споткнулся о горшок, и, выругавшись, пнул его ногой за дверь.

А горшку-то ведь мы были так рады, когда нашли накануне во время длительной стоянки на какой-то станции.

Осветили милиционеры наш бачок с водой, и тотчас же бросились пить воду. Воду пили с жадностью, взахлеб. Вот набросились и на мешок с сухарями.

– Товарищи! – крикнула я и вскочила на ноги. – Что вы делаете? Дети – голодные!

Милиционеры молча обернулись, а тот, что с кубиками в петлицах на гимнастёрке, дожевывая сухарь, напился воды, потом достал из кармана брюк платок, не спеша развернул его, обтёр губы, потом, также не спеша свернул платок, положил в карман и подошёл ко мне. Осветил меня фонариком с головы до ног и пробурчал:

– Прошу предъявить паспорт.

Я растерялась. Только сейчас с ужасом поняла, что при мне нет, не только паспорта, но и вообще никаких документов. Что же делать?

– Прошу предъявить паспорт, – повторил тот своё требование.

Гляжу на милиционера и молчу. А он неумолим:

– Ну-у, долго ждать? Где, гражданочка, ваш паспорт?

Паспорт... да-да, паспорт. Вот мой па-

спорт! – сказала я с дрожью в голосе и указала на ребятишек.

Всё тот же милиционер, обратившись ко мне, потребовал потеснить ребят, освободить для них место.

Я взялась будить дорогих ребятишек, и они с неохотой уступали незваным гостям места, теснились, тащили за собой траву, одеяла, и снова укладывались спать.

Милиционеры уснули.

Мне не спалось. Некстати объявились эти милиционеры. Кажется, всю воду выпили и сухари сожрали. Удивительно, что не добрались до печенья, – мешок с печеньем стоял отдельно. Что же делать?.. В разгорячённом сознании возникла и застряла мысль: а... вдруг... это – враги, переодетые немецкие диверсанты.

«Неужели?.. Нет-нет, ведь требовали паспорт. Что же делать? А куда ж они едут? Разве не предупреждали военные: в вагон посторонних не пускать? Предупреждали! Из этих вот говорил только один, а остальные?.. Остальные – молчат. Почему молчат и даже меж собой не разговаривают? Они что, глухонемые? Вряд ли. Странно всё это. Надо бы сообщить, но кому и как? Времена – те ещё, если не сообщу, саму прижмут как врага народа...»

Поезд остановился без резкого толчка, – значит, остановка не экстренная. Присмотрелась: по множеству путей, которые освещала луна, определила: станция. Что-то надо предпринять, а что?.. Рискнула... Я осторожно проскользнула в открытую дверь и спустилась на землю так, чтобы меня не выдало шуршание гравия.

Светофор светился красным светом.

Я отошла от вагона и подбежала к паровозу. Спросила у машиниста: – Где же станция?

Машинист указал. А я с новым вопросом: Долго будем стоять? Ответил шуткой: Как только, так сразу.

Простите, я с поезда, детей везу.

А-а, – пробасил машинист, – как отправят, так и поедем. Не торопят пока.

Согнувшись в три погибели, подлезла под вагон соседнего состава и сразу оказалась у здания станции. Забежала. В зале ожидания – пусто. Дёрнула ручку двери первой попавшейся комнаты. В комнате – двое. Женщина сидела за столом у аппарата, а мужчина в фуражке с красным верхом, стоял у окна.

– Товарищи, – протараторила я, – я с поезда. Со мной дети.

Вдруг мне стало плохо, – сдавило сердце и запершило в горле. Облокотилась о стену...

Вовремя подскочил мужчина, усадив меня на стул, поковырялся в висевшей на стене аптечке, нашёл таблетку и, передав её мне, предложил положить под язык.

С жадностью выпила поданную мне в металлической кружке воду. Полегчало. Мгновение, и на лбу выступил пот.

– Я – начальник станции, – представился мужчина, – слушаю вас внимательно.

– Товарищ начальник, со мной в двух вагонах дети из детсадика, из Минска.

– Слушаю вас, что случилось?

– Ночью в вагон ворвались подозрительные мужчины в милицейском.

– Чем вызвали подозрение? – спросил.

И я ответила: У всех тяжёлые вещмешки, карманные фонарики, вели себя не по-милицейски.

– Какой вагон?

– Четвёртый от головы поезда.

– Всё ясно! Отдохните малость и ждите меня у вагона, – и начальник станции выскочил в коридор.

Взглянула на настенные часы. Время было два часа сорок две минуты ночи.

В комнате остались с дежурной. Говорю: – Дети в поезде, а я вот здесь. Дежурная утешила:

– Будем надеяться, все обойдётся. Извините, а сколько детей?

Отвечаю: Шестьдесят.

Шестьдесят!? – дежурная аж вздрогнула и на мгновение непроизвольно привстала со стула. – Да вы прямо ангел-хранитель. А чем кормитесь?

– По-ангельски, что Бог пошлёт.

..? Дежурная полезла в сумку, достала два пирожка с повидлом, угостила. И поинтересовалась:

– А давно едете?

– С двадцать пятого.

Дежурная присвистнула:

– Вот это да-а! А я в ответ:

– И куда едем, – сама не знаю, – и выбежала из комнаты.

У соседнего состава, опять согнувшись в три погибели, перебралась через вагон, и – напрямик к своим. Не добежав вагона два, остановилась, отдышалась. Осторожно подошла к своему вагону.

Тут вместе с начальником станции подошли и вооружённые винтовками красноармейцы. Они встали около вагона, а по команде-свисту, пр-раз! – и в вагон...

«Милиционеры» крепко спали, а тот, старший, проснувшись, приподнял голову, выхватил наган, но тут же один из красноармейцев ударил его прикладом по голове...

В милицейских мундирах действительно оказались диверсанты.

... Остановок в пути было множество. Во время длительных остановок, чаще всего из-за налёта вражеской авиации, или – умышленного повреждения рельс, – в вагоне оставаться было опасно, и мы выводили детей в лес или в лесопосадки.

Однажды случился казус.

Сошли с вагона, и – к лесу. А на пути к лесу, как на грех, оказался гурт подсолнечных семечек.

Гурт охранялся сторожем. Сам сторож роста небольшого. Лицо морщинистое. На плече – винтовка.

Дети, ясное дело, голодные, всей оравой бросились к гурту: хватают семечки, глотают зёрна вместе с шелухой и за пазуху набирают.

Мы, взрослые, оторопели. И сторож поначалу оторопел. А когда сообразил, начал кричать, топать ногами, с угрозой махать кулаком и гоняться за ребятей. Бегают он вокруг гурта, а дети – наутёк от него.

Тут и мы, взрослые, тоже стали кричать и бегать за ребятей, а они и нас не слушали: бегают, хватают семечки...

Сторож разозлился, сдёрнул с плеча винтовку. Крикнул:

– Стоять! Стрелять буду!

Лишь это подействовало, замерли...

– Что делаете? – закричал со стоном в голосе сторож. Меня ж из-за вас, чертят, в НКВД! Убирайтесь!

А Анечка Вольминская встала перед сторожем:

– Дяденька, и вправду стрелять станете?..

...Едем и едем... Голодные, холодные, грязные. В пути – завелись вши. Как представлю – страх... А случилось это, когда уже ехали по России. К счастью, нас встретили в

Мичуринске Тамбовской области. Искупали в бане, прожарили нашу одежду, покормили. А пока вершились банные дела, гостеприимные горожане и в вагонах навели порядок: нашенское все выбросили, помыли полы, постелили новые постели. В дорогу дали еды. В каждом вагоне – по канистре с первым блюдом. Хлеб, посуда.

...На земле саратовской сошли в Куриловке. Встречали нас представители администрации. Искупали, покормили. Руководитель района после беседы со мной решил наградить меня отрезом на платье.

К несчастью, мне стало плохо: заболел живот. В местной больнице оказалась. Провалилась с неделю.

В Куриловке ребят и взрослых поселили в школе. Жильё оказалось временным. Отправили в Хвалынск, в замечательный городок на знаменитой реке Волге.

К сожалению, утомительная поездка по дорогам войны не прошла бесследно. Многие ребятишки болели: кто – желудком, кто – сердцем...

ТАЯ САРВИРО (ХОМИЧ)

В 1941 году было 5 лет.

Т. А. Сарви́ро (Хомич) вместе с группой воспитанников Минского детского сада №65 прибыла на землю саратовскую 10 июля 1941 года и была определена в детский дом №7 города Хвалынска.

В 1944 году была взята из детдома отцом.

Окончила Московский ВГИК (институт кинематографии), в течение многих лет, даже после ухода на пенсию, работала на «Мосфильме», в студии кинохроники. Сотрудничала и с редакцией белорусского журнала «Вясёлка», публикуя рассказы для детей.

«...Помню, во время бегства из родной Белоруссии, и в последующей жизни в Хвалынском детском доме я очень была привязана к воспитательнице Наталье Алексеевне Королёвой. Называла её мамой. И эта любовь была искренней, и не временной, а на всю жизнь.

В начале 1944 года меня разыскал отец, списанный из действующей армии по инвалидности. Он приехал за мной в детдом. Со слезами на глазах отец сообщил, что мама погибла во время эвакуации.

А я ему:

– Папа, а я нашла маму.

От этих слов его, кажется, пере-коробило.

– Как нашла? – прошептал он. – Я – свидетель её гибели.

– Подожди, – сказала я, и – убежала.

Вернулась, держа за руку воспитательницу Наталью Алексеевну. Сказала:

Тая Хомич с отцом.
Хвалынск. 25 февраля
1944 г.

– Смотри, папа. Вот – моя мама...

Папа с Натальей Алексеевной вступили в зарегистрированный брак. Переехали мы всей семьёй на жительство в город Энгельс (через реку Волгу, напротив Саратова), где после госпиталя папа устроился на работу в прокуратуру. Он – юрист по образованию.

После освобождения от фашистских захватчиков Минска мы вернулись в родной город.

В Минске Наталья Алексеевна «подарила» мне сестрёнку Таню. По окончании школы-десятилетки и успешной сдачи вступительных экзаменов во ВГИКе я переехала на жительство в Москву.

С сестрёнкой мы очень дружим. И хотя я живу в Москве, а она – в Минске, мы систематически общаемся: переписываемся, как минимум, раз в неделю, разговариваем по телефону, раза два в году – встречаемся».

Дети Белоруссии — беженцы 1941 года в Хвалынске, воспитанники детского дома №7, первоклассники начальной школы №8. 1941 г.

А.Ф. СИДОРОВА.

В годы войны — воспитатель Хвалынского детского дома №1.

А.Ф. Сидорова — коренная хвалынчанка. В июле 1941 года участвовала в приёме и размещении эвакуированных из Белоруссии детей в одном из санаториев «Черемшаны», а затем и в детском доме №1.

«Все годы войны (за исключением июля и августа 1941 г.) я работала воспитателем в детском доме №1. Мы, сотрудники, как и горожане, называли наш детдом

«Минским», так как подавляющее число воспитанников были дети, эвакуированные из столицы Белоруссии.

Удивительные были дети, ни грубостей, ни отказов от выполнения заданий и поручений. Неуважительного отношения к персоналу и в помине не было. А 70-80 процентов в школе учились только на «хорошо» и «отлично».

...Однажды моя подруга получила «похоронку» – погиб её муж. Я провела у неё всю ночь, проплакали с ней, а утром – пришла на работу, и, видимо, выглядела не лучшим образом. В тот день дети, как говорится, были ниже травы и тише воды. А Верочка, у которой родители погибли ещё в пути при эвакуации, подарила мне сшитую из разных лоскутков куклу, и, хотя я была не намного старше её, обняла и прошептала на ухо: «Будьте здоровы, мама...»

... Особенно памятным и радостным для детей был поздний вечер третьего июля – сорок четвёртого. Радио в тот день почему-то молчало. Новостей не слышали. Всё шло сво-

им чередом, и – вдруг к детдому пришли несколько горожан с криком: «Веселитесь! Как можно не веселиться, Минск освободили!..»

Что тут было! – трудно и пересказать. Интернат загудел, мальчишки и девчонки прыгают, бегают, бесятся, бросаются в объятия друг другу... Поцелуи, смех, слёзы... «Мы скоро поедem домой!» – несло со всех сторон.

А разве забудется случай из сорок первого года. Июль – наплыв белорусских беженцев. В конце того месяца в дом отдыха «Черемшаны-2», где я тогда работала, поступила девочка, лет семи. В Хвалынск она прибыла с мамой, но мама её вскоре скончалась, от ран ли, от болезни, – не помню.

Принимая девочку, записываю с её слов в тетрадь анкетные данные, и вдруг она заплакала, и, взглянув на меня, тоненьким голосочком произнесла: «Я к маме хочу».

Говорю ей: «Мама скончалась, ты же её в гробу видела?»

Отвечает: «Мне с ней рядышком в гробу лучше»...

ЛИЛИЯ ГУЛЬ (СОСКИНА)

В 1941 году было 8 лет.

Л.Б. Гуль (Соскина) в Минске воспитывалась в детском саду №7, а в Хвалынске была определена в детский дом под таким же номером – семь.

В июле 1944 года была разыскана мамой и с ней вернулась в Минск. Окончила строительный техникум. До ухода на пенсию работала старшим архитектором Минского проектного института лёгкой промышленности.

«Из детдомовской жизни мне особо запомнились два случая: со сдачей кала на анализ, и – встреча с мамой.

...Однажды, для выявления «глистопёров», в интернате провели «мероприятие»: сдачу кала на анализ. «Мероприятие» со-

стояло в том, что в одночасье всем было велено испражняться, но не в туалете, а на земле во дворе интерната.

Выдали: кому – пустые спичечные коробочки, кому – пузырьки, а кому по клочку газеты.

Многие мальчишки и девчонки, не ощущая потребности в испражнении, воспользовались отсутствием во дворе взрослых, взяли кал у своих товарищей.

Результаты анализов оказались удручающими. В интернате был объявлен карантин. Только проведённая под строгим контролем воспитателей и нянечек повторная сдача кала выявила настоящих больных, а их оказалось всего-то трое.

...Когда мне сказали, что приехала моя мама и ждёт меня (в то время я была на берегу Волги), я, кажется, тотчас очумела, затряслась, вскочила и сразу же бросилась

к своему детскому дому. Резко растворила дверь комнаты интерната и увидела женщину, а рядом с ней младшего братишку Лёву. Не сразу, но узнала в этой женщине маму. «Мама! Мамочка! Наконец-то» — я бросилась к родненькой, к братишке...

С мамой мы плакали от радости встречи. Потом – всю ночь не смыкали глаз, смотрели друг на друга. Казалось, что всё это сон, что стоит лишь закрыть глаза и открыть их снова, – мама исчезнет...

В Минск довелось возвращаться опять в товарном вагоне, и опять в эшелоне с солдатами. Но на сей раз, хотя война ещё продолжалась, обстановка в вагоне была совершенно иной. Солдаты наперебой кормили нас хлебом, консервами и сгущённым молоком.

А когда мы оказались в Минске, то стало жутко, – Минска-то и не было: кругом – одни руины...

СЕМЁН КОВАЛЁВ

В 1941 году было 9 лет

С. Д. Ковалёв прибыл в Хвалынский из Белоруссии с группой подростков пионерлагеря «Ратомка». Воспитывался в детском доме №1, а с августа 1944-го – в детском доме №7.

В 1948 году направлен в железнодорожное училище Саратова. Свыше тридцати лет посвятил работе в локомотивном депо станции Пугачёв Приволжской железной дороги.

«...В 1980 году в моей жизни произошло самое волнительное событие послевоенных лет: с разных концов Советского Союза в Хвалынский съехались степенные мужчины и женщины, бывшие в годину войны детдомовцами. Всех нас роднил не только Хвалынский, но и Белоруссия, откуда мы были эвакуированы.

На встрече я увидел столько эмоций, сколько не видел за всю жизнь. Казалось, это было так давно, что прошлое скрыто где-то за семью замками, и вдруг... Один рассказывает, десятки – плачут...

В дни эвакуации мне было девять лет, а сестрёнке Нелле, тоже ставшей хвалынчанкой, – пять. К счастью, мы вдвоём после

эвакуации оказались в Хвалынске, хотя добирались – порознь. Нас, в конце концов, в 1944-м, судьба свела в один детский дом №7.

Эвакуация сестрёнки – намного трагичней моей. То, что я пережил, в сравнении с её бедами, – цветики, потому и вспоминать не хочется. А она, – не перестаю удивляться, – как она-то, пятилетняя кроха, устояла!.. Из всего садика, оставшись одинёшенька у сожжённого фашистским лётчиком железнодорожного вагона, – не потерялась, и это – в пять лет!.. Выбралась из адской кутерьмы, да ещё сохранила в памяти кровные фамилию, имя, название родного города и номер своего детского садика...

Она уехала в эвакуацию вместе со своим минским садиком №8. В пути их эшелон дважды оказывался мишенью фашистского лётчика. Кончилось тем, что из всего садика она осталась лишь одна. Она настырно лезла в уходящие на восток другие эшелоны.

При приближении к Тамбову её допёк голод, и когда поезд остановился на станции, она рискнула, взяла да сбежала из вагона, и – к вокзалу, а там – в ресторан. Её покормили. Вышла в зал ожидания, и – сон её свалил, – брякнулась на пол...

Очнулась – в поезде. С незнакомой пацанвой добралась до Саратова.

В эвакуопункте, принимавшим её, она ответила на все интересующие вопросы. Направили в Хвалынск, в седьмой детский дом. А я тоже был в Хвалынске, но в первом

детском доме, – эвакуировался из Ратомки Минской области, с пионерлагерем...

Удивительной была наша встреча в Хвалынске. Она пришла ко мне в первый детдом. Стоим на крыльце, гляжу на неё, явившуюся, будто во сне, и не в силах сдерживать слёзы. Реву!.. А она, вроде она и не младшая, а старшая сестра, – прижалась лицом к моей левой руке и шепчет: «Что плакать, Сёма, встретились, и ладно. Может, ещё и маму с папой разыщем»...

Из пережитого во время эвакуации мне почему-то запомнилось не самое страшное и ужасное, а вот такое: сели на пароход и едем в Хвалынск. Изголодались чертовски, и вдруг нам сказали, что будут кормить кашей. Уже и тарелки расставили на столах палубы вдоль одного борта. Мы, не сговариваясь, ринулись к столам, – пароход накренился, и каша, вместе с тарелками, полетела за борт.

Помнится, в детдоме мне приходилось учиться столярному делу. Учился этому ремеслу охотно, и доволен. В жизни пригодилось.

Пока ещё не забылось, как вместе с пацанвой довелось работать на прополке пшеницы в подшефном колхозе. Бывало, тянешь осот, и не под силу, – зовёшь кого-нибудь на помощь.

Запомнилась и сдача крови для раненых солдат и офицеров. Кровь сдавали охотно, понимали: чем скорее поправятся бойцы нашей Красной Армии, тем скорее закончится война. Но дело в том, что сами-то мы были слишком слабыми, и случалось, что после сдачи крови кружилась голова...»

МАРЛЕН РОБЕЙЧИКОВ

В 1941 году было 11 лет.

М.Я. Робейчиков войну встретил в предместье Минска, в пионерском лагере «Ратомка», откуда и был эвакуирован в Саратовскую область. В 1944-м из Хвалынского детского дома №1 взят в военный духовой оркестр. Потом сменил профессию музыканта на мундир военного лётчика. После ухода в отставку работал ответственным сотрудником Минского горисполкома. Один из тех, кто в 1981 году организовал в Минске слёт бывших детей-минчан, ставших в годы войны воспитанниками хвалынских детских домов на земле саратовской.

*В военном духовом оркестре
1945 год.*

«...Не слушая воспитателей, мы всё равно залезали на деревья и наблюдали за воздушными боями, как будто смотрели кино. Плакали не от страха, а от жалости, когда горели наши самолёты. На второй или третий день была общая линейка, и директор объявил, что наш пионерский лагерь эвакуируется: мы уже знали, что горит от бомб Минск, что домой нас не повезут, повезут куда-то... дальше от войны.

Я хочу рассказать, как мы собирались в дорогу. Велели нам взять чемоданы и сложить в них только самые необходимые вещи: майки, трусы, рубашки, носки, носовые платки, пионерские галстуки. Лично я галстук положил сверху. В моём воображении рисовалось: встретят немцы, откроют чемодан, а там – на виду – красный галстук. Не боюсь!..

Железнодорожный состав наш шёл быстрее войны – на тех станциях, где мы

останавливались, про войну знали, но ещё не видели её. Так нам казалось, и мы, дети, рассказывали взрослым про войну, рассказывали, как горел Минск, как горели наши самолёты. Но чем дальше отъезжали от дома, тем больше скучали по родителям, а то, что у многих уже нет родителей, мы этого ещё не знали.

На станции Привольской нас пересадили с поезда на пароход «Парижская коммуна» и повезли по Волге до Хвалынска. На пароходе я первый раз снял тапочки. За полмесяца в дороге мы ни разу не раздевались. Когда я тапочки снял, они – воняли, и я их стал мыть. Мыл-мыл, и – выбросил за борт. Приехал в Хвалынский босиком.

Нас было так много, что разместили по нескольким детским домам. Почему я об этом знаю? Потому что помню, как очень плакали те, кому предстояло разлучаться с братом или сестричкой. Когда мы были в пионерском лагере без родителей, мы чувствовали себя вольно, а тут мы все и испугались. Мы же домашние дети, привыкшие к ласке, и тем самым резко отличались от других детдомовцев. Меня мама всегда целовала на ночь, а по утрам будила. А теперь мне надо было привыкать жить без родителей.

Еда для нас, подростков, была скудной. Постоянно ощущали голод. Однажды посмотрели кинокартину, в которой наши разведчики варили кашу из берёзовой коры. Наши девочки тоже научились варить такую кашу.

А разве забыть и такое: мы бежали из детдома в воинскую часть, там нам иногда перепадал черпак супа. Но нас было много, поэтому не могли накормить всех. Успеешь первым – получишь, опоздал – уйдёшь ни с чем.

У меня был друг Мишка Черкасов. Как-то сидим, он и говорит: «За двадцать километров пошёл бы, если бы знал, что там дадут миску каши». На дворе – минус тридцать, он оделся и побежал в воинскую часть. Просит у солдат что-нибудь поесть, они и говорят: «Беги за котелком». Он вышел на улицу, покумекал и решил: «Пока буду бегать за посудой — ничего не достанется». Возвращается назад и говорит солдатам: «Лейте!» и подставляет шапку-ушанку. Солдат взял и вылил ему в шапку весь черпак.

Пока Мишка добежал до детдома, отморозил уши, но – суп донёс, и не мудрено, шапка – была полна льда. Вывернули лёд в тарелку (тарелки были металлические), разбили лёд на куски, и каждый из обступивших Мишку сосал льдинки супа, а девочки оттирали Мишке уши. Сейчас и представить трудно, сколько было радости, что Мишка принёс еду для всех нас.

...Осенью заготавливали дрова в лесу, который находился на горе. Деревья валили, обтёсывали, потом распиливали и кололи на поленья, и складывали в штабеля... Дома мы никогда не пилили, потому что – городские, а здесь такие толстые брёвна нужно было пилить и колоть. Доставалось!

...Не удивлюсь, если «магистры» именитого телевизионного клуба знатоков не ответят на вопрос: что такое «макуха»? А, между прочим, для нас, мальчишек военной поры, «макуха» была величайшим лакомством.

Представьте, тихонько пробираешься в кладовую и запускаешь руку в бачок, где вымачивается харч для лошади, а там, глубже, находишь великолепный жмых, он же — «колоб», и он же – «макуха». И потом хоть целый день жуй и соси её...

... Не могу забыть и такой случай. У нас в классе учился сын директора маслозавода. Дети есть дети, сидим на уроке, в «морской бой» играем. А он за нашими спинами ест хлеб с подсолнечным маслом. Запах – на весь класс.

Кое-кому из нас стало не по себе, но – смотрим – нет учительницы, смотрим – она на полу лежит. Она тоже голодная, услышала этот запах и упала в обморок. Наши девочки отвели её домой.

...Однажды собралось нас несколько мальчишек, самых отчаянных, решили убежать на фронт. Но, на наше счастье, приехал в детдом капельмейстер: его и поныне помню, – капитан Гордеев. Он отобрал четверых мальчиков с музыкальными способностями, в том числе и меня.

В Армию нас провожали всем детдомом...

О жизни, учёбе и работе в военном фронтовом оркестре – тоже есть что вспомнить...

*«Фронтовые оркестры наши
Я знаю не понаслышке.
С «дедами» военные марши
Играли сироты-мальчишки».*

ВАЛЕНТИН АЛТУХОВ

В 1941 году было 3,5 года.

В.А. Алтухов в июле 1941 года прибыл в Саратовскую область с группой эвакуированной детворы детского сада №65 города Минска. Воспитывался в Хвалынском детском доме №7. В конце июля 1944 года вернулся в Минск. До ухода на пенсию работал слесарем Минского электротехнического завода им. В.И. Козлова.

Мастер высочайшего класса — победитель Белорусского конкурса слесарей. Награжден медалью ВДНХ СССР.

«Начало войны и эвакуацию я не помню. Из детдомовской жизни память выхватила немного: подготовку посылок для фронта. Была куча шерсти. Мы, малыши, колготились над ней, очищали от разных ненужностей. Хорошего — мало: запахов... Думалось: а

госпиталей военные. Это были трогательные встречи, бывало, облепим гостя, и каждый наказывает — встретить папу, сказать, что сынок его или дочка живы, что они в Хвалынске сейчас, в детском доме.

А ещё запомнилось лето 1944-го. В далёкий город Хвалынск на Волге, где я воспитывался в детском доме, приехала за мной тётя, мамина сестра. Тётю я не узнал, и она меня не узнала. Я ведь и мамы уже не помнил. При встрече тётя, по наказу мамы, перво-наперво взглянула на мой левый бок. Там была несмываемая примета: родимое пятно.

— Валюшенька! — воскликнула она, и крепко обняла. А слёзы — градом...

Тем летом 1944-го война для меня и закончилась. Я — вновь в родном Минске. Город разбит, страшно, но — никто не стреляет. Под охраной наших бойцов фашисты такие смиренные — расчищают завалы.

А главное, рядом со мной снова была мама.

чем я хуже старших мальчишек и девчонок, — тоже очень хотелось помогать фронту, быть на переднем крае: вязать носки и рукавицы. И — пробовал вязать. Случалось, руки были в кровавых царапинах от спиц...

А разве забудешь наших воспитателей и нянечек, каждая из них — сама доброта.

Ещё помню, как перед отъездом на фронт, в детдом приходили выписанные из

ЛИЗА МЕТЛИЧ-ГОЛЯШОВА

В 1941 году было 11 лет.

Е.П. Метлич, эвакуированная из Белоруссии с подростками пионерлагеря «Ратомка», прибыла в Хвалы́нск 3 июля 1941 года, воспитывалась в детском доме №1. По окончании семи классов была направлена в Саратов, в ремесленное училище при подшипниковом заводе. Работая на заводе контролёром шлифовальных станков, она окончила вечернюю школу рабочей молодёжи, а затем и Саратовский экономический институт.

Свыше сорока лет проработала в банковской системе.

«Из сиротских лет наиболее запомнилась эвакуация. Да и как забыть, если и поныне отметина на правом плече от давней огнестрельной раны. Не воевала, а ранение имею.

В вагоне товарного поезда я была вместе с минской детворой, оказавшейся накануне войны в Ратомке. От Ратомки до Минска ехали без происшествий, но, едва миновав родной город, эшелон оказался под бомбёжкой. Поезд остановился, раздалась команда: «Разбегаться!» Повыскакивали из вагона и – кто куда. А фашистский самолёт продолжал кружить.

Помню, бегу куда-то сломя голову, и вдруг – резкая боль в правом плече. Рана!..

Кровь... – присела на корточки, зубами и левой рукой порвала на себе платье и зажала рану... Слез не было.

Помню, возвращаюсь к эшелону и вижу: один из вагонов отцеплен, горит. Жуть!.. И – раненые: у кого – оторвана нога, у кого... По сей день, слышу крик пацаненка: «Спасите меня! Я – живой!..»

Откуда-то появились медики, – тяжелораненых укладывали на носилки и куда-то относили. Раненым оказывали помощь. Помогли и мне, вытащили осколок, перебинтовали. Сделали укол.

Спустя десять суток я оказалась в городе Хвалы́нске на земле саратовской. Там, в детском доме, и долечивали мою рану».

ТАМАРА ФРОЛОВА (НЕИЗВЕСТНАЯ)

В 1941 году было 3 года.

Т. А. Фролова прибыла в Хвалы́нск в июле 1941 года неизвестной девочкой, – оказалась с группой минчан-дошколят. Определена в детский дом №2. В феврале 1942 года взята из детдома приёмными родителями. После совершеннолетия на постоянное жительство обосновалась в Самаре (Куйбышеве). До ухода на пенсию работала на одном из местных заводов инженером.

«...Рассказывают, что солдаты нашли меня возле убитой матери. Я плакала и просила её встать... Было это на железнодорожной станции где-то под Минском. Солдаты посадили меня в один из вагонов поезда, который шёл на восток, увозя дальше от войны. Так с чужими людьми я попала в Хвалынский. Оказалась в детском доме №2. Родителей не помню. Наверное, и называли меня Тамарой только в Хвалынске, да и фамилия поначалу была – Неизвестная.

В детском доме не пробыла и года. Взяли на воспитание супруги Черкасовы из

села Ивановка, что в семи километрах от Хвалынска.

Я очень благодарна Черкасовым за воспитание. А угнетает меня то, что я, выходит, из «Иванов, не помнящих родства». Я не знаю кровных родителей, не знаю своих кровных фамилии и имени. Не знаю, в каком месте Белоруссии родилась. В памяти – пустота. В детском доме записали год рождения – 1938-й.

Живу с чувством, что родила меня война. Потому что из детства помню только войну».

НИНА ВОЙЦЕХОВСКАЯ (РАЧИНСКАЯ)

Н.С. Войцеховская с 1936 по 1944 годы — воспитанница детского дома №1 «Красный городок» города Саратова. В 1941 году она была избранной детдомовцами пионервожатой, активно участвовала в приёме эвакуированных детей.

После детского дома Нина Сергеевна окончила Саратовский педагогический институт, десятки лет отдала школе.

В 1990 году она организовала в Саратове встречу воспитанников детских домов области всех поколений. В этой встрече приняла участие и группа белорусских сирот, ставших в годы войны воспитанниками детских домов на земле саратовской.

«...С конца июня 1941 года и включительно по 1943 год в Саратовский детский дом №1 «Красный городок» поступали эвакуированные дети.

В первые два месяца войны пополнение было, в основном, из Белоруссии. Детвору на телеге доставляли с железнодорожного вокзала, где по графику дежурили наши воспитатели. К тому времени в детдоме не было машин, их забрал военкомат.

Случались и неожиданности. Запом-

нился такой случай: в один из поздних июльских вечеров во двор детдома въехал грузовик с детворой.

Пополнение встречали два дежурных сотрудника. В 1941 году, с первых чисел июля и до конца декабря, для встречи эвакуированной детворы, в детдоме было ежедневное суточное дежурство сотрудников детского дома.

В тот вечер мы, старшие девчонки, ещё не спали. Мигом оделись, подняли старших мальчишек, и – к машине. Нас не обязы-

вали встречать, но мы не могли оставаться безучастными к такому событию.

Стоящий у открытого борта шофёр-красноармеец едва слышно говорил: «Осторожно. Снимайте детей по одному. В долгом пути малыши всего натерпелись. Из Могилёва мы».

Мы, старшие детдомовцы, не суетились. Распределили, кому, чем заниматься. Острое восприятие плача, стога, хныканья малышей подстегивали, торопили. Очень хотелось быстрее определить в тепло маленьких осиротевших человечков, настрадавшихся на опасных дорогах, не понимавших, откуда и почему на них свалилась такая огромная беда. Очень хотелось поскорее накормить их и обогреть словом. Как и все, я, протянув руки вверх, приняла с машины малыша, прижала к себе, и, осторожно ступая, пересекла двор. Я перешептала ему, кажется, все слова, которые могли бы успокоить хрупкое дрожащее существо.

Перед купанием мы в печи сжигали всю одежду малышей, так как в одежде повсюду «хозяйничали» вши.

Вася, так звали «моего» мальчика лет четырёх, голубоглазого, со слипшимися русыми волосами, крепко ухватился обеими руками за небольшой мешочек и, не выпуская его из рук, слёзно просил:

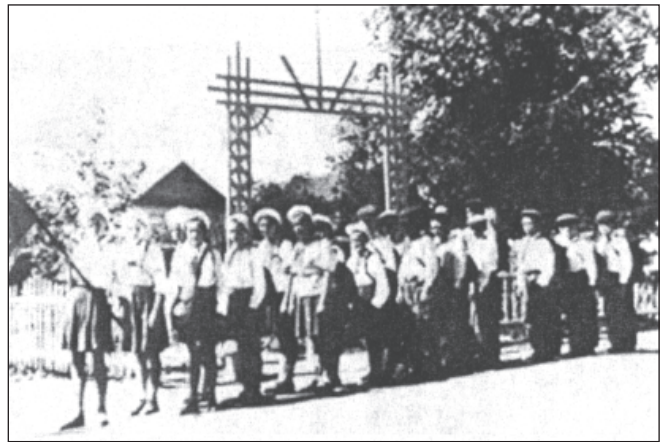
— Не надо его в печку!

Я осмотрела мешочек снаружи, на нём не было вшей, взяла мешочек себе подмышку и сказала:

— Обязательно сохраним, раз ты так хочешь. Договорились?

— Ага, — тихо, с интонацией не по возрасту серьёзной ответил малыш.

Стригли малышей наголо, набравшие в этом деле опыта Серёжа Парфёнов, Алик

Детдомовцы Саратовского «Красного городка» идут на пионерский сбор. 1945 г.

Александрович и Витя Плеханов. А наши девочки, имён и фамилий не помню, — мыли и осторожно тёрли страшно худущие тельца дерюжными мочалками. А мы, те, кто принёс малышей в баню, стояли в ожидании. И вот они, уже лысенькие и чистенькие, протягивали ручонки к нам, детдомовкам. В спешке, да при скудном свете коптилок, мы порой ошибочно надевали на мальчиков платица, а на девочек — штанишки, и поскорее — в корпус.

Потом, что-то вроде ужина. Запомнилось предостережение дежурного сотрудника — кормить голодных детей не досыта. На расставленных столах в коридоре больницы (так называли изолятор) — металлические миски с кашей.

...Уложив малышей в постели, девочки присели на краешки кроватей своих подопечных.

Мой Вася сунул свой мешочек под подушку. Я не возражала и не любопытничала о тайне содержимого. Понимала: в мешочке что-то важное для малыша.

Васенька вдруг взглянул на меня с какой-то задумчивостью, спросил:

*Выступление детдомовского духового оркестра
«Красного городка». 1945 г.*

– А ты не уйдёшь?

– Спи спокойно. Не уйду, – ответила.

Попыталась рассказать малышу на сон грядущий сказку, не вышло. Он – закрыл глазёнки и засопел.

Переместив заветный мешочек к верхнему углу подушки, я на цыпочках потихоньку вышла из спальни.

Вслед за мной осторожно удалились из спальни и девочки.

Входя в свой корпус, мы попросили ночную няню Анну Мартыновну разбудить нас пораньше, чтоб до подъёма малышей оказаться вновь у их постелей.

С рассветом опять туда, к новеньким...

Васенька – почти до пояса лежал на жиденькой подушке. Вот он проснулся, шарил глазами по стенам, по кроватям, потолку, окнам. Убедившись, что он не в кузове машины, а в спальне, где – ни разрывов снарядов, ни свиста пуль, спокойно-спокойно взглянув на меня, спросил:

– Ты не уходила? Я улыбнулась:

– Как видишь.

И подумалось мне, вот она, святая ложь, без которой не может обойтись иной, даже самый «правдивый» человек. Да, наверное, мы не очень-то покривили душой, – долго-долго говорили о наших новеньких. Мысли мои были о нём, Васеньке, и его таинственном мешочке.

В глазах малыша вдруг вспыхнул огонёк. Он поднялся, присел и стал медленно развязывать мешочек, – серый, потёртый.

Вынул из мешочка лаковые, красненькие, совершенно новые ботиночки и протянул мне, сказав полущёпотом:

– Возьми. На.

Ботиночки девичьи и явно не по ноге Васеньки. Спросила:

– Откуда они у тебя?

– Это не мои, – ответил, – сестричкины. Она умерла в дороге...»

Г.И. БЕРЕЗИНА

В 1941 году – старшая пионервожатая Саратовского детского дома №1 «Красный городок».

Г.И. Березина в Саратовском детском доме №1 «Красный городок» прошла путь от воспитанницы до заведующей учебной частью. В 1941 году, работая старшей пионервожатой, участвовала в приёме эвакуированных детей.

«В годы Великой Отечественной войны наибольшее поступление сирот было в 1941 году. Детвора поступала из Белоруссии и Украины, Москвы и Подмосковья, Ленинградской, Брянской, Смоленской и других областей России.

Особо запомнился такой случай. Было это к вечеру одного из июльских дней сорок первого. Раскрылись ворота, и въехала машина-трёхтонка с фанерной будкой в кузове. От одного вида машины не по себе стало: пробоины кругом, наверное, не менее сотни. Но ещё страшнее стало, когда начали снимать ребятишек двух-трёхлеток. Было их человек двенадцать. У одной девочки, которой мы позже дали фамилию Неизвестная (сама она фамилии не могла назвать, и в этом ей никто из новобранцев не помог), была рана на голове. Раненых было ещё четверо. Все малыши были истощены.

В столовой шофёр поведал историю, которую я слушала со слезами на глазах и от первого до последнего слова запомнила на всю жизнь.

— Наша воинская часть, — рассказывал солдат, — стояла под Витебском. Немцы так напирали, что пришлось отступить. Но мы

знали, что там остался Дом ребёнка. Собрались с силой и выбили фашистов. Ищем глазами и не видим детворы. Стали искать. Малышки попрятались кто где: в дровах, в сараях, в чуланах, под кроватями... Собрали человек тридцать. Нашлась и воспитательница, девушка лет двадцати двух, которая тоже пряталась: оказалась под кроватью.

Командир распорядился откомандировать меня в тыл, доставить детей и вернуться.

В машину набросали соломы, кое-как наспех покормили детей и воспитательницу, дали в дорогу сухарей, — и в путь. «Путь» — это легко сказать: что ни километр, езда в неизвестное. Сами видите... Приходилось и с самолётами «играть в кошки-мышки», и маскироваться. Ночами было легче.

После обстрелов останавливался и проверял состояние «дел»: убитых — снимал, раненым — лишь сочувствовал, ни бинтов, ни лекарств. Погибла воспитательница, и из тридцати малышей доставил лишь двенадцать.

Слава Богу, что меня не задело, а то бы и этих негде было искать.

...И он, солдат, закончив рассказ, вдруг заревел вскрик, по-бабьи...»

ВАЛЕНТИНА МОРАЕВА (БЕГИНИНА)

В 1941 году было 14 лет.

В. М. Мораева (Бегинина) воспитывалась в детском доме села Екатериновка (райцентр) с 1938 по 1943 годы. В 1943 году, по окончании восьми классов, покинула детский дом, но осталась проживать в Екатериновке.

В 1947 году переехала на жительство в Саратов и более 35-ти лет работала водителем трамвая.

*В пошивочной мастерской Екатериновского детского дома.
1945 г.*

«Я сама – местная, екатериновская, в детдоме оказалась в связи со смертью родителей.

Детдом состоял из двух одноэтажных домов, названных интернатами. В одном жили мальчишки, а в другом – девчонки, человек по пятьдесят в каждом.

Дома (интернаты) находились не в одном дворе, но жили воспитанники одной семьёй. В нашем девичьем интернате были общими – кухня, столовая и комната, называемая «игралкой», в которой мы играли. Тут же и занимались в кружках художественной самодеятельности. Здесь же давали и наши праздничные концерты.

Встречались с детдомовскими мальчишками и в школе. Кстати, школа была общей для детдомовцев и сельчан.

Июнь 1941-го – началась война...

Всё вокруг изменилось. А в июле того же сорок первого пришлось ещё и потесниться. К нам, девчонкам, прибыло пополнение из десяти малышей от трёх до семи лет. Все – из Белоруссии.

Дом наш, конечно, не резиновый, для установки новых кроватей места не было.

Выход из создавшегося положения оказался немудрёным: малышей распределили по старшим детдомовкам, обязали «шефствовать». Шефство выражалось, в первую очередь, в том, что с новенькой надо было спать на одной кровати. Куда ж деваться, раз надо, так надо.

Мне в подшефные досталась Лидочка Пенкасевиц, девчонка лет семи, худущая, будто тростинка.

С родителями Лидочка рассталась в эшелоне во время эвакуации. Бежали из Витебска, поездом, в вагоне-товарняке. Фашисты не раз бомбили эшелон, а поезд, будто хвост у ящерицы, загоревшийся вагон отцепит и в новой сцепке снова торопится в путь. Во время одной из бомбёжек досталось и Лидочкиной семье: отец – погиб, мать – пропала без вести...

Пока было тепло, мы с Лидочкой спали головами в разные стороны, а когда дошло до предзимья, спать стали укладываться – душа к душе. В спальне, из-за плохого отопления, было холодно. Печи топили кизяками, шелухой подсолнечных семечек и дровами, явно не доставало дров.

Мы с Лидочкой привязались друг к дружке. Правда, поначалу я не знала, что делать со своей «подшефной». Она, хотя и слушалась меня, но была какой-то скованной. Часто плакала. Как могла, успокаивала её. Потихонечку Лидочка оттаивала. В глазах появились искорки, а при улыбке – на щеках кругляшки-ямочки.

Месяц спустя моя подшефная стала активной участницей художественной самодеятельности, – певицей.

Что удивительно, до её поступления в детдом я была солисткой, но когда я услышала её пение, стало не по себе, застесня-

лась и пела уже только в группе. А солисткой стала она. Голос её – не сильный, не звонкий, какой-то бархатный – то с ноткой печали и тоски, то – с нежной задоринкой, – покорял всех. Больше всего она любила петь знаменитую «Катюшу» и ещё «Летят перелётные птицы».

А концерты наши были частыми, особенно в военном госпитале. В госпитале, кстати, мы не только пели, но и помогали ухаживать за ранеными. А ещё – от имени нескольких раненых, которым не под силу держать ручку с металлическим пером или карандаш, писали письма их родным, близким, сослуживцам.

Все годы пребывания в детдоме Лидочка была уверена, что мама жива. В отличие от других «новеньких» она знала мамино имя, и, чтоб не забыть его, то и дело повторяла вслух. Приставала к воспитателям и умоляла, чтобы помогли разыскать маму.

В 1943-м, после ухода из детдома, я осталась проживать в Екатериновке, в доме старшей сестры. Лидочка почти ежедневно прибегала ко мне, выплескивала детдомовские новости, с удовольствием ела домашние блины.

Выступление танцевального кружка Екатериновского детского дома. 1945 г.

От Лидочки я узнала, что в конце войны, в сорок пятом, в детдом поступили девочки-подростки из Польши, из фашистских концлагерей. А в концлагерях они оказались тоже из Белоруссии.

В первый послевоенный год Лидочке посчастливилось разыскать мать, но встреча почему-то состоялась не в детдоме, и не в Белоруссии, а в столице Молдавии Кишинёве.

Лидочку отвезла к матери воспитательница Лидия Семёновна Михалко».

СОФЬЯ СОЛОМЯНСКАЯ

В 1941 году было 6 лет.

С. А. Соломянская в Хвалынском детском доме №1 оказалась со старшей группой детей-минчан детского сада №20.

С детским домом простилась после семи классов. В Хвалынске окончила педучилище. Уехала в родной Минск, там окончила пединститут, и всю себя посвятила педагогике. До ухода на пенсию работала директором Дома пионеров в Минске.

*В переплетной мастерской
Хвалынского «Минского» детского дома №1. 1942 г.*

«Я помню наше нелёгкое военное детство. Наш детский сад был где-то под Ратомкой. Помню бомбёжки, как нас сажали по три человека под дерево в лесу и объясняли, что это военная игра; как ночью мы спали одетые, готовые вскочить в любую минуту. Очень ясно передо мной стоят девять дней поездки в товарном вагоне. Духота, а нас из-за боязни потерять даже на стоянках не выводили на воздух. Исключение делалось лишь во время бомбёжек.

Я была очень впечатлительным ребёнком и ночами не спала: широко открытыми глазами смотрела вверх. А полки, на которых мы спали, были из наструганных досок, и однажды мне насыпались опилки в глаза. Я ослепла. На каждой остановке меня выводили в медпункт, где мне промывали глаза. А из-за того, что я была на воздухе, дети мне завидовали.

И вот мы на земле саратовской.

Волга, тучи мошкары. Впервые в жизни я увидела пароход, и впервые – плыла на пароходе. Помню, на пароходе нам устроили завтрак: дали манную кашу. Какой же она была вкусной!..

Потом – Хвалынский, Дом отдыха «Просвещенец», и затем детский дом №1, хотя почти все детсадовцы, которые находились в «Просвещенце», были переведены в новый, дошкольный детский дом №7. Ведь и мне было тогда лишь шесть лет.

В основе детдомовской жизни был труд. И это, с учётом военной обстановки, правильно. Но труд детдомовцев был подчас не по возрасту тяжёлым: мы сами запасали хворост, рубили его, делали кизяки (топливо из навоза), летом работали на огороде около детдома. Самое трудное – носить воду из колонки, – ведер и не счесть как много. Помню и такое: ходили за семь километров (!) в поле, чтоб полоть горох и чечевицу или собирать колоски.

А разве забыть изнуряющие нас болезни, особенно малярию и дизентерию. От дизентерии были и летальные исходы.

А побег из детдома...

А разве забыть обувь: сверху – брезент, а подошва деревянная. Это – кошмар!..

Помнится, что дороги в Хвалынске были вымощены камнем. Летом – нестерпимая жара, камни раскалены, а мы босиком, приходилось не ходить, а прыгать.

А вечное желание что-нибудь жевать?.. У нас даже свои поговорки были: «лапшинка за лапшинкой бегают с дубинкой» – это по поводу супа; «из-за хлеба Москву видать» – на стол подавали тоненькие-тоненькие ломтики. И всё-таки, насущнее всего были передаваемые по радио сводки Совинформбюро. Едва раздавался знаменитый голос Левитана, как все группировались и застывали у радиоприёмника.

Помню и необыкновенный патриотизм

детей. В восемь-девять лет мы прекрасно разбирались в международном положении, следили за событиями на фронте. Очень хорошо помню все события Сталинградской битвы. Будто политики, мы обсуждали проблемы открытия второго фронта. Выступали с концертами в госпиталях. Для отправки на фронт вязали носки и варежки с двумя пальцами.

А как мы учились? Писали между строк на старых книгах, в чистых местах старых тетрадей. Один учебник был на двадцать (!) детей. И ведь учились-то очень хорошо.

«Каждая пятёрка – удар по врагу» – таков был наш девиз.

А разве забыть неписанные принципы нашего самовоспитания: а) обещал – сделай; б) решили все – выполняй; в) взаимовыручка, взаимопонимание, поддержка. На этих принципах основывалась дружба, цену и неразрывность которой мы особенно отчётливо ощутили многими годами позже, при наших встречах в Хвалынске и Минске: слёзы, объятия, – долгие, непрерывные беседы, – в последующем – письма, звонки, поездки друг к другу».

ВАРЯ АНТОНЕВИЧ

В 1941 году было 5 лет.

В. И. Антонец в июле 1941 года поступила в Саратовский детский дом №1 «Красный городок» из Могилёвской области Белоруссии, в группе воспитанников детского дома №4 города Могилёва. Судьбу связала с землёй саратовской. В детском доме пробыла до 1950 года. Потом – ремесленное училище, и полвека работы.

«Ещё до войны я была детдомовкой. Воспитывалась в детском доме Могилёвской области Белоруссии, а в каком именно, не помню: то ли в самом Могилёве, то ли в райцентре. Запомнилось, что накануне войны детдом был в каком-то местечке (селе или деревне) на отдыхе.

В то июньское утро первого дня войны вдруг совсем неожиданно – страшный оглушительный рёв в ясном небе. От испуга дети бросились бежать в разные стороны. Воспитательница закричала: «Вернитесь! Немедленно вернитесь!» Потом – небо стало чернеть от самолётов с чёрными крестами, от дыма пожаров...

Что было дальше – не помню. Такое впечатление, что уснула крепким сном, а

проснулась – в Саратове, в детском доме №1, в «Красном городке».

Жизнь в нашем «Красном городке» – бурлила!.. Все годы войны в три смены работали производственные мастерские: токарная, слесарная и столярка.

Воспитанники в токарной мастерской выполняли ответственные заказы Саратовского авиационного завода. В слесарной мастерской изготавливались различные инструменты, которые отправлялись на саратовские заводы. А в столярке изготавливались ящики для патронов.

Младшие – работали на своём детдомовском приусадебном участке в районе Кумысной поляны. Там выращивали картошку, капусту, морковь, лук, чеснок, свеклу, огурцы, помидоры.

Мальчишки и девчонки шестых и седьмых классов работали на бахче и в саду, и наряду с этим караулили от набегов незваных гостей наши «питательные уголья» на той же Кумысной поляне.

Лозунг тех дней: «кто хорошо работает, тот помогает фронту». В это верили, этой верой и жили.

Работа работой, а ещё – была и учёба, а ещё – и многогранная, можно сказать, кипучая культурная жизнь. Привлекали детвору кружки художественной самодеятельности. Были у нас великолепные: духовой оркестр, театр чтеца, хор, коллектив балетного танца, в котором, кстати, и я принимала участие.

А разве забудется такое: был праздничный концерт. Это уже в конце войны. На сцене – девочка-дошкольница. Читает стихи. Вдруг в зал вошла женщина, и – вскрикнула: «Дочка!» И упала в обморок.

Позже стало известно, что жен-

щина – мать наших воспитанников, двух девочек и мальчика. В то время, когда она вошла в зал, на сцене выступала её младшенькая.

Дольше четырёх лет по всему белу свету она, мать, искала своих потерявшихся детей. С детьми она рассталась в первые дни войны в Белоруссии, где-то у самой границы с Польшей. Во время первого дня эвакуации мать замешкалась в связи с родами четвёртого ребёнка. А тут – фашисты. Детей «понесло» дальше...

И вот она, встреча!..

И сколько ещё было удивительных встреч.

Радовалась за подруг, нашедших родителей. А сама...

А разве забыть День Победы!.. Со стороны Волги – орудийные залпы – салюты. А мы, детдомовцы, и ликуем, и плачем, и бесимся... Да разве ж об этом расскажешь? Это надо было пережить».

ВОЛОДЯ КУЛЕШОВ

В 1941 году было 4 года.

В.Д. Кулешов с группой воспитанников Минского детского сада №65 был доставлен в Хвалынский Саратовской области 10 июля 1941 года, определён в детский дом №7.

Володино сиротство закончилось на второй год войны: его разыскали родители.

Из Хвалынска он уехал в город Череповец Новосибирской области. По специальности он инженер-металлург.

«По сей день, встречаясь даже с совершенно незнакомым малышом, с ужасом представляю, что в таком-то возрасте я уви-

дел войну... Разве забудешь – сожжённую дачу, долгую поездку в товарном вагоне. Частые остановки поезда, и если причиной

остановки была бомбёжка, воспитатели, помогая нам спрыгивать на землю, предупреждали: кучковаться опасно, и мы – врассыпную...

А потом – нас скликали...

Зимой 1942 года меня хотели взять на воспитание: пришла в интернат женщина, беседовала со мной. И тут воспитательница Александра Ивановна сообщает, что меня разыскивают мои дорогие мама и папа. Было столько радости, но – потянулось томительное ожидание, – сутки, ещё сутки, и ещё сутки... Месяц!.. Заболел, лежал в больнице. Со мной в больнице был ещё детдомовский мальчик. Он – скончался. Я так переживал: неужели и я умру, и мама с папой так и не увидят меня...

И вдруг – мама!..

Она привезла с собой одежду, обувь, а главное, любимую мной «матроску». Я ещё не вырос из неё. К счастью! Переоделся,

Володя Кулешов вновь с родной мамой. Хвалынский. 1942 г.

попрощался с пацанвой и с воспитателями. И – прощай сиротство!

В тот же день, перед отъездом из Хвалынска, мы с мамой сфотографировались. И поныне эта фотография – самая волнующая».

МАРИНА СМОРОВСКАЯ

В 1941 г оду было 8 лет.

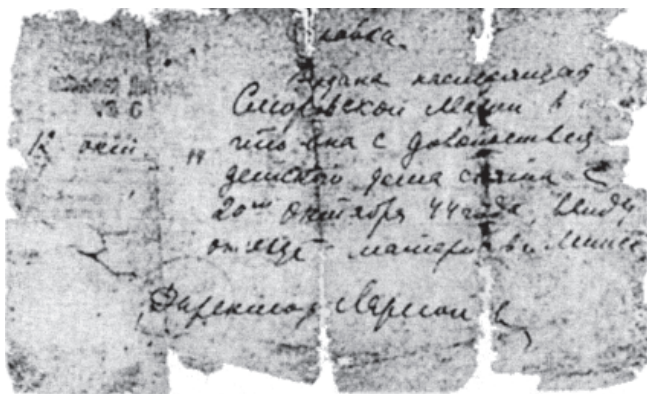
М.И. Сморовская с группой малышей и подростков из Белоруссии оказалась на приёмном эвакуационном пункте при железнодорожном вокзале Саратова в середине июля 1941 года. Направили её сначала в Саратовский детский дом «Красный городок», а спустя два месяца она оказалась в детском доме №6 города Хвалынска.

Вернулась в родной Минск в октябре 1944-го.

Десятки лет, до ухода на пенсию, работала телефонисткой на городской телефонной станции.

«До войны я жила в Минске, ходила в детский садик №27. Наш садик на третий или четвёртый день войны посадили в товарный вагон. Едва отъехали от Минска, эшелон был атакован немецкими само-

лётками. Пожар!.. Было так страшно: кто успел – выпрыгнул из вагона... Помню, бегу сломя голову, а куда бегу?.. Помню, поймала меня женщина, тащит вновь к железнодорожному полотну. Я с рёвом

Справка о снятии с довольствия детского дома №6
Марины Сморовской. 12 октября 1944 г.

иду за нею неохотно, будто на поводу, и брюзжу:

– Пустите меня, я в лес хочу.

– Там – звери, – пугает меня женщина. Я в ответ:

– А мне всё равно.

Потом, каким-то образом, я оказалась в военном санитарном вагоне. И тут не повезло. И этот эшелон фашистскими лётчиками разбит. Опять: кто успел – выпрыгнул из вагона, а кто не успел... Я оказалась в числе «счастливиц».

Выпрыгивая из вагона, зацепилась за что-то, порвала платье. Стала выглядеть не лучшим образом: скуластая, костистая, да ещё в рванье. А в дальнейшем пути случилось всякое: шла пешком, ехала на повозке, в деревнях просила милостыню. Вновь оказалась в эшелоне, на сей раз с совершенно незнакомыми подростками из разных мест Белоруссии. Запомнился мальчонка лет десяти, с перебинтованной головой. Говорили, что он из Минска, что раненым его подобрали на железнодорожной станции. На некоторых остановках его выводили на перевязку.

С этой группой детворы я оказалась в

середине июля 1941-го на эвакопункте при железнодорожном вокзале Саратова...

Эпопея с поездкой по дорогам войны завершилась в маленьком приволжском городке – Хвалынске.

В 1941 году в школу я так и не пошла. Опять – невезение. А всё из-за чрезмерного наплыва детворы. В детском доме не сумели подготовить первоклашек к первому сентября.

Хвалынск запомнился необыкновенной тишиной, необыкновенными красками и очаровательным по весне запахом. Разумеется, запомнился и детский дом. В первую очередь – дружбой ребятни.

С огромным желанием я приезжала в Хвалынск на встречу с одноклассниками по войне. Что ж, допустимо, наверное, и такое выражение. Была на встречах в 1980 и 1982 годах.

Война есть война, бывало всякое. Что интересно, меня раза два пытались взять из детдома местные жители, удочерить, но я категорически отказывалась, заявляя, что мне и в детдоме хорошо.

Я ждала маму, свою маму...

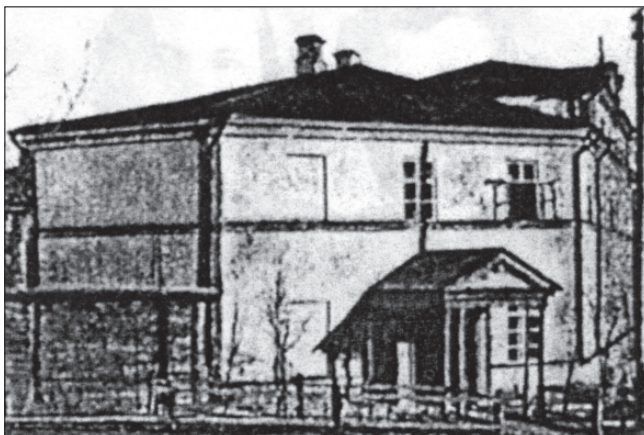
Но позади уже 1941-й, 1942-й, 1943-й и 1944-й на исходе. И вдруг... Письмо!.. От мамы! От родненькой!.. Пришло второе письмо, третье. Я радовалась письмам, перечитывала их десятки раз, берегла, храня у изголовья в постели. Но когда приехала мама, случилось, казалось, невообразимое. Я не узнала маму, не бросилась к ней в объятья. Эта встреча поначалу казалась трагедией. Думалось: «Не обманывают ли меня? Кто на сей раз передо мной?.. Не очередная ли, желающая меня взять на воспитание, тётя?» Боялась покидать детский дом, друзей. Мол, уйду,

а что дальше? — ни детдома, ни друзей, ни мамы. Мама беседовала со мной подолгу, в течение целой недели, вспоминала и рассказывала об отдельных моментах из моего детства...

Наконец-то, 20 октября 1944-го, маме выдали на руки справку, заготовленную, как оказалось, ещё 12 октября, то есть неделю назад. В справке указывалось: «Выдана настоящая Сморовской Марине в том, что она с довольствия детского дома снята с 20 октября 1944 года, ввиду отъезда к матери в г. Минск».

Эту справку, как самую дорогую реликвию, я хранила десятки лет и привезла с собой в Хвалынск в 1980 году на первую встречу детдомовцев войны».

Саратовский областной детский приемник-распределитель НКВД, в стенах которого провели первые дни на земле саратовской многие белорусские сироты, в том числе бывшие узники фашистских концлагерей. В 1905-1912 годы здесь, в тогдашнем Мариинском приюте, воспитывалась будущая выдающаяся певица России Лидия Андреевна Русланова (в девичестве — Прасковья Лейкина)

ДУСЯ СИРОТКИНА (ФЁДОРОВА)

В 1941 году было 8 лет.

Е.З. Сироткина (Фёдорова) войну встретила в деревне Шитики, Суражского района Витебской области Белоруссии и до августа 1943-го жила в тисках фашистской оккупации.

В 1942 году фашисты сожгли деревню, а спустя год трагедия усугубилась. Вместе с близкими родственниками и сельчанами в родных Шитиках она была схвачена фашистами, вывезена в Польшу и доставлена в концентрационный лагерь Освенцим.

Затем был другой фашистский концлагерь — Потулице, а затем — ещё один концлагерь: Лодзинский детский (г. Константинув).

В марте 1945-го, после освобождения узников концлагеря Советской Армией, Дуся с группой подростков оказалась на земле саратовской, где и была определена в Екатериновский детский дом.

После окончания школы-семилетки переведена в Новоузенский детский дом и зачислена студенткой в местное педагогическое училище, по окончании которого работала учителем начальных классов Чапаевской школы-интерната для глухонемых детей.

С 1955 по 1990 годы, до ухода на пенсию, Евдокия Захаровна — учитель начальных классов в школе села Алексеевка Базарно-Карабулакского района.

Она — Заслуженный учитель РСФСР.

Евдокия Сироткина (Федорова) (справа) с подругой
В Новоузенском детском доме. 1951 г.

«Как известно, Белоруссию немцы оккупировали летом 1941 года.

Наша большая семья (мама, папа, три сестрёнки и брат) эвакуироваться не стали, а проживали мы в деревне Шитики Суражского района Витебской области. Деревня наша была прекрасной, неописуемо красивой: с одной стороны – озеро, а с другой – лес. Деревня – всего лишь десятка три домов, даже школы не было. В школу ходили в село Ходорово, куда мы семьёй намеревались в том же, сорок первом, переехать. Строили новый дом.

До лета 1942 года немцы нас не трогали, жили-поживали в своих домах. Наши бедствия начались с лета 1942-го. Как сейчас помню, под вечер немцы гнали большаком наших военнопленных. В лесу пленники разбежались. Кое-кому удалось спастись.

На другой день в деревню явился карательный отряд немцев, и всю деревню сожгли. Остались мы под открытым небом. Приближались холода. Стали рыть землянки. Год прожили в землянках.

Но фашисты зверели. Весной 1943-го мы ушли в лес. Прятались, как могли. Часто меняли места стоянок.

В конце августа 1943-го немцы с собаками устроили на нас облаву, нашли нас и, как скотину, погнали к Витебску. Среди нас были больные и старые, которые не выдерживали долгой ходьбы, так их немцы либо расстреливали, либо травили собаками.

Пригнали в Витебск, и – за колючую проволоку под открытым небом. Через несколько дней погрузили в товарные вагоны и повезли, а куда, никто не знал.

А везли нас в Польшу, в Освенцим, в концлагерь. В вагоне – тесно, душно... Крик, плач...

В пути – ни воды, ни еды. Поезд неоднократно останавливался, но редко открывали двери. Когда же открывали и выпускали из вагонов, мы бросались на поиски воды. Пили из любой канавки, из лужиц, а случалось, натыкались и на родники...

В Освенцим привезли к вечеру. Сразу – к столам, где на наших руках выжигали номера. Какой же был крик! – это ужасно...

Мой номер – 61880, а у брата Николая помню только три первые цифры 149.

После этой «процедуры» погнали в баню. Всё, что было при нас, отняли; второпях, небрежно остригли, одели в полосатые платья, и – в барак.

В первую же ночь умерла младшая сестрёнка Надя, которой было всего-то шесть лет.

В Освенциме погибли, сожжены в печах крематория – мои мама, папа и старшая сестра Катя.

В этом концлагере самым трудным испытанием было стоять по несколько часов на плацу. Падать – нельзя, тотчас – расстрел, и – в крематорий. И чтобы не упасть, узники поддерживали друг друга.

Никогда не забуду такой случай. Утром несколько женщин рыли яму. Одна женщина упала. Надзиратель схватил лопату и ударил беднягу по голове... Вскрик, кровь, смерть...

Сколько пробыли в Освенциме, не помню. Настал роковой день, когда нас, детвору, разлучали с матерями. На ночь детвору загнали в другой барак. Неописуемое действо. Ужас!.. Какой это был ужас!.. Истошный плач и крик, даже ночью.

...Ранним утром следующего дня детвору на машинах перевезли из Освенцима в другой концлагерь, в Потулицу.

Условия содержания здесь оказались ещё тяжелее. Если в Освенциме мы спали на нарах, то здесь – на полу. В матрасах было явно маловато соломы, да и та вскоре превратилась в мякину. Нас кусали блохи. Кормили какой-то баландой. Донимала дизентерия.

В Потулице от дизентерии умерла племянница Алла. Ей, как и моей младшей сестрёнке, тоже было всего-то шесть лет.

3 августа 1944-го из Потулицы нас переправили в Лодзинский детский концлагерь (г. Константинув). Содержание здесь было несколько лучше. Вновь – нары. Но – как мы голодали, как мёрзли, и – очень боялись надзирателей.

По территории концлагеря ходил комендант – немец с огромной овчаркой, а ещё полицай с плёткой... Полицай – свирепей коменданта и его овчарки, вместе взятых: плёткой бил встречных ни за что, ни про что.

Во всех трёх концлагерях мы, дети, для немцев были подопытными. На нас, с помощью уколов, испытывали какие-то лекарства и делали всё, чтобы мы навсегда забыли: кто мы и откуда.

Из этого концлагеря нас в середине

марта 1945-го освободила Советская Армия. О, сколько было слёз радости.

За несколько дней, проведённых там же, уже после освобождения, нас подлечили, подкормили, переодели. И вот – посадили в пассажирские вагоны. Нас – больше ста человек. С нами – военные, врачи, медсестры.

В путь!

В итоге – оказались мы в Саратовской области. Определили нас сначала в Саратовский детприёмник-распределитель, а затем разбили на группы и отправили по разным детским домам области. Группа, в которой оказалась я, восемь человек. Это – я, мой брат Николай, сестры Литвиновы – Таисия, Любовь и Лидия, а также брат и сестра Шниковы. А ещё – Лапин Володя. Оказались мы в Екатериновском детском доме.

В этом же детском доме поселили и сестёр Селезнёвых – Феню и Галю, позднее нас доставленных сюда из концлагеря Освенцим.

Какими мы были, оказавшись в совершенно новых условиях, в детском доме, вспоминать очень больно и не хочется. Одно могу сказать: поначалу мы все, бывшие узники концлагерей, резко отличались от других детдомовцев...

После выхода из детского дома все прожитые на земле саратовской годы я скрывала, что была узницей фашистских концлагерей, и, тем более, никогда и никому не показывала выжженного на руке номера.

При нас, разумеется, не было никаких документов. Помню, из детского дома послали запрос в Белоруссию, а оттуда ответили, что архивы уничтожены немцами. Хотя я знала год рождения свой и брата и, тем более, место нашего рождения, при оформлении свидетельств о рождении вы-

шел казус. Возраст определяла медицинская «экспертиза». Место рождения записали: рабочий посёлок Екатериновка Саратовской области. День моего рождения «определили» 1 ноября 1933 года, а брата – 1 ноября 1935 года.

Помнится, в детском доме после войны было трудно. Случалось, ели и сырую картошку, и мёрзлую свеклу, и ходили в поисках «дикой» моркови, то есть, моркови, которая оставалась после съёма урожая на поле.

Брата моего после окончания четвёртого класса отправили в Саратов, в ремесленное училище. В 1954 году он окончил училище и по комсомольской путёвке уехал в Казахстан поднимать целину. Прожил там до 2000-го года, а затем – всё-таки вернулся на родину, в Белоруссию.

Приехавшие с нами в Екатериновку сестры Литвиновы, а также брат и сестра Шниковы, пробыли в детском доме лишь всего три месяца, вернулись в Белоруссию, в Полоцк Витебской области. За Шниковыми приехала их мама, а заодно она забрала и Литвиновых: они все из одной местности.

Сестры Селезнёвы в 1949 году из детского дома были направлены на ткацкую фабрику, что под Саратовом, в рабочем посёлке Красный Текстильщик. В том же 1949-м они вернулись в родной Полоцк.

Лапин Володя пробыл в детском доме до 1949 года, был направлен на учёбу в Саратов, в ремесленное училище №2. Кажется, и по сей день живёт в Саратове.

С Литвиновой Таей я переписывалась до 1992 года, а потом, с этой «перестройкой», как-то всё оборвалось. Я застряла на земле саратовской.

В 1950-м году простилась с Екатериновским детским домом, где мне запомнились

две воспитательницы, сестры Михалко: Елена Семёновна и Лидия Семёновна, – сами из бывших детдомовцев. Лидия Семёновна стала завучем детдома.

В 1950-м, окончив на отлично семь классов, я без вступительных экзаменов была зачислена на первый курс Новоузенского педагогического училища. В связи с этим была переведена в Новоузенский детский дом. Три года прожила в Новоузенском детском доме, а училась в педучилище. Последний год учёбы довелось жить «на вольных хлебах».

Таким образом, в детских домах Екатериновки и Новоузенска я пробыла восемь лет, – с 1945 по 1953 год.

После учёбы я была направлена на работу в Чапаевскую школу-интернат для глухонемых, работала учителем начальных классов.

В 1955 году школу глухонемых перевели в село Алексеевку, Базарно-Карабулакского района. В 1958 году эту школу перевели в город Вольск, но я осталась в Алексеевке и стала работать учителем начальных классов в средней школе. Из этой школы и ушла на пенсию в 1990-м.

Меня вырастила и выучила Родина, и я работала так, чтобы не было стыдно перед Родиной, перед учителями и воспитателями.

Среди многих наград, – знак «Отличник народного просвещения», медали – «За трудовую доблесть», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда».

Указом от 12 февраля 1976 года Президиум Верховного Совета Российской Федерации мне присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Избиралась я народным депутатом сельского и районного Советов».

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Дети войны. Как ни парадоксально это звучит, но куда деваться: мы действительно дети войны. Детская память сохранила очень многое об этом жутком времени — голод, холод, бомбежки, зверства фашистов, воздушные бои наших летчиков, раненые и убитые воины и многое другое. Дети войны — последнее поколение свидетелей тех лет.

Мой отец, Рачков Михаил Александрович, кадровый командир-артиллерист, только вернувшийся с белофинской войны, по тревоге был вызван в часть и тут же убит на фронт. Ушли туда же и три его брата: два летчика и военный инженер. Один из них, Александр, погиб, защищая небо Москвы. Но это не все потери, которые понесли родные и близкие мне люди... А мы с мамой, Рачковой Марией Ильиничной, и с семьями других командиров и политруков были немедленно эвакуированы в Сталинградскую область, в Среднюю Ахтубу.

Эвакуация и последующие события военных лет явились для нас тяжелыми испытаниями, мукой и борьбой за выживание. Первые дни войны показали, что враг коварен и жесток.

...Эшелон с семьями командиров и политработников шел с территории Белоруссии, где уже зверствовали фашисты. Нас перевозили в товарных вагонах, оборудованных нарами и скамейками. Детей было очень много. Все мы, ребята, забирались на оборудованные нары и через открытые чугунные боковые люки смотрели на местность: населенные пункты, станции, мелькавшие мимо. Было лето и, казалось, войны нет. Как вдруг на бреющем полете, на высоте чуть выше вагонов, появился самолет со свастикой на борту и хвостовом опере. Самолет покачал крыльями и мы четко уви-

Я и Славик Тресвятский (справа) перед войной

дели за стеклом кабины улыбающегося немецкого летчика. Он даже помахал нам рукой.

Самолет исчез. А вскоре эшелон остановился. Этот немецкий летчик, оказывается, сбросил бомбы на железнодорожный путь впереди, в нескольких километрах. Нас, детей, тогда поразило: фашист, улыбаясь, готовил нам смерть. Как сейчас помню, все дети сразу как бы повзрослели, стали серьезными, сдержанными. На душе у всех было тревожно.

На следующий день уже более десяти немецких самолетов в несколько заходов обстреляли наш эшелон.

Мой друг детства Славик Тресвятский, сын политрука той части, где служил и мой отец, был убит. Погибли также несколько

Мы с мамой. 1942 г.

женщин, были ранены две девочки и мальчик.

Уже, будучи офицером, я посвятил другу детства Славке Тресвятскому стихотворение «Вечный мальчик».

Я — из грозной были,
Я — из гневной песни,
Я — мальчик вечный,
Я — ваш ровесник.
Меня ведь тоже
В семье любили,
И вот внезапно
Меня убили...

Мои сверстники из поколения «детей войны», оставшиеся в живых, в боях на фронтах, конечно, не участвовали, за редким разве что исключением. Но война стояла в их глазах и они, как могли, с нею боролись тоже. Помню, когда начались бои

за Сталинград, фашисты разбрасывали листовки с самолетов над нашей Средней Ахтубой. Призывали население оказывать им помощь. В листовках тех были такие слова:

«Мы Сталинград с лица земли сотрем,
И в Средней Ахтубе мы шнапс попьем».

Мы, мальчишки, уничтожали эти листовки. И как потом радовались, когда наши войска под Сталинградом окружили фашистов и не дали им попить шнапс в Средней Ахтубе.

Но тогда, осенью 1942-го, над Средней Ахтубой часто шли воздушные бои. Сталинград ведь рядом, в нескольких десятках километров.

Мы, мальчишки, с крыш домов наблюдали за воздушными боями. Когда падал сбитый немецкий самолет, кричали: «Ура!!!», а падающий ястребок со звездой вызывал слезы на наших глазах. Мы молча спазили с крыши и расходились.

Хотя шла война, ребята по домам не сидели. Голод не тетка, часто ходили на рыбалку. Помню, однажды с удочками вышли к реке. Там была наведена понтонная переправа. В этом месте хорошо ловилась рыба. Особенно, когда забредешь в реку поглубже. Но к нашему несчастью появилась в небе большая группа немецких самолетов. С них посыпались бомбы. Пикирующие бомбардировщики издавали такой звук, что нас пронизывал ужасный страх. Мы вмиг оказались на берегу. И не зная, что делать дальше, смотрели вверх.

Мне показалось, что бомбы летят прямо на нас с товарищем. Не успел крикнуть: «Ложись!», как кто-то сбил меня с ног

Я с родителями в год Победы

и навалился сверху. Как потом оказалось, неизвестно откуда появившийся солдат накрыл нас своим телом. Когда кончилась бомбежка и самолеты улетели, солдат, хорошо понимая, что пришли мы рыбачить не удовольствия ради, а голод просто гнал сюда, сказал нам: «Вот что, рыбаки, держитесь подальше от моста. Фрицы скоро прилетят еще. Мост-то цел». У солдата, видимо, была ранена рука. Она была на подвязке.

Этот случай я вспоминаю часто.

Голод был тогда для нас еще одним тяжелым испытанием. Постоянно хотелось есть. У матерей часто просили хоть корочку хлеба пососать. Большой радостью было, когда удавалось достать кусочек жмыха из семечек подсолнуха. Жмых этот был твердым, и его можно было, положив в рот, долго сосать.

Жили мы с мамой у хозяйки. Звали ее Груней.

У тети Груни была дочь Людмила. Она

добровольно пошла воевать: была зенитчицей, защищала небо Сталинграда. Там и погибла. Когда принесли тете Груне похоронку, она не заплакала. Лицо ее просто окаменело. А утром она вышла на кухню вся седая и сказала нам с мамой: «Оставляю вам дом». Как потом мы узнали, она ушла на фронт.

Вскоре нас с мамой и других эвакуированных собрали в местном сельсовете и объявили, что опять будут эвакуировать – в Саратовскую область, так как в Сталинграде развернулись ожесточенные бои. Средняя Ахтуба стала прифронтовой зоной. Так мы попали в поселок Вязовка Татищевского района, где в то время располагался районный военкомат. В нем мама работала бухгалтером. В военкомат, помню, продолжали приходить добровольцы, желающие идти на фронт. Как я им завидовал! С такими же пацанами как и я, три раза пытались убежать на фронт, но нас задерживали то патрули, то работники вокзалов и станций.

А дома родители плакали и очень нас ругали. Но – это я хорошо помню – не наказывали.

Наконец, мама каким-то чудом нашла своих трех двоюродных сестер в городе Кизляре. Мы уехали туда. Это было спасение от голода. К тому времени я был крайне истощен. А в Кизляре без хлебных карточек продавался кукурузный хлеб. Теплым он был и очень вкусным. Я поправился, окреп.

Окончание войны застало нас в Дагестане. Народ местный торжествовал, как и

все в стране. Отец после войны вернулся сюда за нами. Но эта радость была омрачена: у моих двоюродных братьев Бориса и Игоря отец, будучи партизаном, погиб. Печальная эта весть пришла как раз с приездом моего отца. Я чувствовал себя очень неловко перед своими двоюродными братьями. Тогда и дал себе слово, что стану военным. Многие «дети войны» тогда также поступили. Воевать нам тоже довелось – на дальних рубежах, в локальных войнах и в военных конфликтах. Некоторые из нас стали даже Героями России.

Борис РАЧКОВ

*гвардии майор в отставке,
член Союза журналистов России*

